

Меч Перемен

Патриция Брей
Выбор Девлина

2002

Брей П.

Выбор Девлина / П. Брей — 2002 — (Меч Перемен)

Джорская Империя – на грани распада. Венценосный правитель слаб и беспомощен. Его приближенные плетут интриги и заговоры... Приграничье вновь и вновь страдает от вражеских набегов... И тогда наступает время явиться Избранному. Спасителю своего народа. Величайшему из великих воинов. Но избранный этот, предсказанный пророчеством, – всего лишь кузнец из глухой деревушки, сам еще пока не подзревающий, как удастся ему в одиночку противостоять бесчисленным врагам...

Содержание

I	5
II	13
III	24
IV	30
V	38
VI	46
VII	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Патриция БРЕЙ ВЫБОР ДЕВЛИНА

I

Путник вошел в Кингсхольм в третий и последний день Праздника Летнего Солнцестояния. Торжества проходили повсюду в королевстве, но гораздо скромнее, а здесь, в столице Джорска, люди упивались весельем почти до безумия. Им было чему радоваться: под мудрым правлением короля Олафура жители Кингсхольма провели еще один год в мире и процветании. Лишь самые упрямые и сварливые старики пытались омрачить праздник, бурча, что не так давно покой и довольство царили во всем королевстве. Теперь же едва не каждый месяц из дальних уголков Джорска в Кингсхольм доходили вести о невзгодах – побитом урожае, разбое и грабежах, ужасных болезнях. Впрочем, столицу эти напасти пока не тронули, а потому особого значения дурным новостям не придавалось.

На первый взгляд в путнике тоже не было ничего примечательного – скорее всего какой-нибудь фермер или торговец пришел в Кингсхольм, чтобы повеселиться на большом празднике. Однако чужак не смешивался с толпами; людской поток обтекал его, будто не смея коснуться.

Девлин Стоунхенд разглядывал ликующих горожан, испытывая одновременно досаду и тревогу. При других обстоятельствах он подождал бы окончания праздника где-нибудь в окрестностях столицы, но сейчас у него не было выхода. Без гроша в кармане он не получит ни комнаты на постоялом дворе, ни тарелки супа в таверне. Уже два дня Девлин не ел, и теперь перед ним стоял выбор – либо просить подаяние, либо отправляться в королевский дворец и встретить там то, что уготовила для него судьба.

Обходя компанию хмельных гуляк, Девлин невольно подумал, насколько по-иному принято проводить праздники на его родине, в Дункейре, где любого чужестранца приняли бы со всем радушием и гостеприимством. Долгие недели в пути научили Девлина не ждать такого же теплого приема со стороны джорскианцев.

К предместьям Кингсхольма Девлин подошел в полдень, хотя точно определить, где начинается город, было трудно – разбросанные в полях фермы постепенно уступили место селениям с небольшими мастерскими и лавками, которые незаметно слились с окраинами города. Лишь обнаружив, что дорога заметно расширилась и его окружают толпы народа, Девлин понял, что добрался до столицы.

Кингсхольм считался самым знаменитым городом королевства, сюда стекалось множество людей со всего мира. Говорили, что Кингсхольм – не один город, а целых три: внешний, старый внутренний и королевский замок. «Города» располагались один внутри другого, но при этом каждый сохранял свои особенности. Внешний город вырос за стенами Кингсхольма, так как сильно разросшееся население уже не умещалось на прежней территории. Аристократы покинули внутренний город и выстроили роскошные дома на северном холме. На востоке лежали кварталы купцов и наиболее уважаемых ремесленников. К западу и югу от стен Кингсхольма размещались торговые ряды, хранилища товаров и широкие площади, где проходили ярмарки. Именно здесь шумели самые буйные празднества, и именно этот квартал Девлину предстояло пересечь на пути к внутреннему городу.

Девлин пробирался сквозь толпу. Несколько раз он свернул не туда, а однажды ему даже пришлось отойти назад, чтобы уступить место церковной процессии. И все же он знал, куда идет: с любого места он мог посмотреть на север и поймать взглядом белые шпили дворца.

Гранитная стена обозначала рубеж старого города. В стене были ворота, но их никто не охранял; судя по всему, они всегда стояли распахнутыми. Выйдя из-под арки ворот на булыжную мостовую, Девлин поразился внезапной перемене. В отличие от внешнего города с его домами из дерева, покрытого крашеной штукатуркой, здания внутреннего города представляли собой величественные сооружения из белого и серого камня. Построены они были на совесть, но выглядели тусклыми и выцветшими, как будто сами понимали, что их время и стиль безвозвратно ушли. Людей на улицах было меньше, да и те, что встречались, похоже, отмечали праздник не слишком шумно.

Девлин остановился, чтобы сориентироваться. Теперь, когда над ним нависали каменные стены, он больше не видел шпили замка.

Вслед за ним в ворота вошла пожилая женщина.

– Что, заблудился? – обратилась она к Девлину.

– Нет, – коротко ответил он. Женщина с сомнением на него взглянула.

– Ты ведь не на праздник посмотреть пришел.

Догадаться об этом было нетрудно. Девлин провел в дороге почти три месяца, и его плащ и башмаки носили явные следы долгого путешествия. К какому сословию принадлежит женщина, Девлин определить не смог. Ее одежда выглядела небедно, но Девлин был чужаком в городе и не знал, то ли это модный наряд, то ли просто платье служанки.

– Мне нужно попасть во дворец, – помедлив, признался он.

Женщина окинула его критическим взглядом.

– Ну конечно, – произнесла она и энергично кивнула. – Ты одет как путник из дальних краев, на твоём лице нет улыбки, а в руке – кружки с молодым вином. Видать, у тебя и в самом деле что-то стряслось, раз ты пришел за помощью к Избранному.

Девлин не ответил – пусть женщина строит любые догадки, он не собирается рассказывать правду ни ей, ни кому-то другому. Вежливо кивнув, он дал понять, что разговор окончен, и повернулся, делая вид, что уходит, однако женщина задержала его, слегка потянув за рукав. В ее глазах светилось сочувствие.

– Постой, я не хотела тебя обидеть. Сейчас в городе нет Избранного. Но если ты пойдешь во дворец и спросишь капитана Драккен, она тебе поможет. Иди по этой улице, пока не выйдешь к площади с фонтаном. Оттуда свернешь в переулок направо, минуешь храм Божественной Четы, потом повернешь на вторую улицу слева. Широкий бульвар приведет тебя прямо в замок.

– Спасибо, – сухо поблагодарил Девлин.

Он прошел через две площади поменьше, прежде чем добрался до большой площади с фонтаном, которую окружали изысканно украшенные дома. Из-за высоких стен доносилась музыка, смех и разговоры людей, собравшихся, чтобы отметить праздник всей семьей. Девлин ускорил шаг, желая побыстрее закончить свое путешествие. Как и говорила женщина, вскоре он очутился на бульваре, вымощенном белыми каменными плитами. Судя по виду, бульвар недавно подметали. Необычные деревья с золотыми листьями обрамляли улицу, что поднималась вверх по холму и вела к замку.

Королевский дворец возвышался на холме в самом сердце Кингсхольма. Чем ближе Девлин подходил к замку, тем острее чувствовал собственную ничтожность. Дворец казался больше, чем многие из деревень, через которые довелось пройти Девлину. Это место не для него, простолюдина из бедной провинции. Живущим в великолепном замке нет нужды в таких, как он. Они станут насмехаться над ним и с презрением отнесутся к его просьбе. Девлин понимал, что следует вернуться, однако возвращаться было некуда, и он упорно шел вперед.

В конце бульвара стояли огромные железные ворота, за которыми располагался дворцовый парк. Как и в городе у подножия холма, ворота были распахнуты, но их охраняли двое стражников в темно-зеленой форме.

– Стой! – в один голос сказали они и скрестили копья, преграждая путь.

Форма обоих стражников, совсем молодых ребят, была так хорошо вычищена, что выглядела как новая, все пряжки на камзолах ярко блестели. На поясе у каждого висел короткий меч. Стражники внимательно наблюдали за Девлином, хотя не переменили расслабленной позы, свидетельствующей о том, что они не видят в нем настоящей угрозы.

Девлин приблизился настолько, что от стражников его отделял всего один шаг.

– Эй, зачем идешь?

Девлин окинул юношей взглядом. Они казались ровесниками, но у того, что стоял слева, на рукаве была серебристая полоска. С этого расстояния Девлин рассмотрел, что они и в самом деле очень молоды: гладкие лица без единой морщинки, а в глазах нет той жесткости, которая появляется после сражения.

– Я пришел стать Избранным.

Стражники обменялись взглядами.

– Еще один оборванец, – пробормотал младший по званию. – И когда они только усвоят?..

– Избранного нет, – ответил второй стражник. – Уходи и не трать понапрасну наше время.

Девлин закусил губу и удержал проклятие, готовое сорваться с уст. Он взмок и устал, каждая пройденная миля отдавалась в ногах тупой болью.

– Я хочу говорить с капитаном Драккен. – Не имеет смысла рассказывать о своем деле этим юнцам только с тем, чтобы потом повторить объяснения их командиру.

Старший охранник сдвинул руку, слегка наклонив копье в сторону Девлина. Тот был не так глуп, чтобы счесть жест случайным.

– Капитану Драккен некогда нянчиться с такими босяками, как ты, – высокомерно отозвался стражник. – Избранного нет уже несколько месяцев. Катись-ка ты обратно в дыру, из которой пришел, и передай своим людям: придется им поискать кого-нибудь другого, кто им поможет.

Передвинув руку, охранник совершил ошибку, потому что теперь его копье не загораживало проход ко дворцу. Девлин прикинул расстояние между собой и стражниками. Они позволили ему подойти слишком близко и, не ожидая подвоха, ослабили внимание. Если он будет действовать быстро, то сможет отобрать копье у первого стражника, а затем с его помощью убрать с дороги обоих. Ни один из них не успеет обнажить меч. Однако пусть даже эти мальчишки глупы и невоспитанны, Девлин пришел не за тем, чтобы показать им, как неосторожно судить о человеке по его внешности.

– Мне нужна капитан Драккен, – негромко повторил он, сверля старшего охранника взглядом, так что юноша наконец почувствовал твердость его решения.

Стражник опустил глаза и приказал:

– Рядовой, сходите за капитаном Драккен.

– Ей это не понравится, – предупредил напарник.

– Не наша забота. Если она рассердится, то достанется не нам, а ему.

Девлин промолчал. Достаточно и того, что он добился, чего хотел.

Не скрывая презрения, стражник смерил визитера взглядом. Девлин уже давно не видел своего отражения, но догадывался, что являет собой весьма странное зрелище. Несмотря на летнюю жару, он был одет в длинный синий плащ, какие носят кейрийцы. В дороге плащ измялся и запачкался, но по-прежнему оставался легким и удобным. Башмаки Девлина покрывали такой плотный слой пыли, что их первоначальный цвет уже не поддавался определению, а подошвы стерлись и теперь были не толще пергамента. В левой руке Девлин держал какую-то длинную деревяшку, за плечом у него висели рваный кожаный мешок и арбалет. Под плащом на Девлине были надеты рубашка и штаны, которые он выменял пару недель назад. Рубаха оказалась велика, а штаны, наоборот, коротковаты, но тогда Девлину сгодились и такие. Темные волосы были неровно пострижены, а кожа за время путешествия обветрилась и задубела.

В общем, он подозревал, что по виду сильно напоминает бродягу. Девлин мысленно спросил себя, что подумает о нем капитан Драккен и скольких еще людей ему придется повидать, прежде чем он выполнит свою задачу.

Младший стражник вернулся и привел с собой женщину, державшуюся так властно, что Девлин сразу понял – это и есть капитан. Резкие черты лица придавали ей вид человека, который не потерпит глупостей, а седина в светлых волосах говорила, что капитан Драккен не первый год на службе. Ее костюм не отличался от формы стражников, за исключением того, что капитан была без каски и на рукаве ее камзола блестели две золотистые полосы. Вместо копья она носила длинный меч, прикрепленный к поясу. Девлин не сомневался, что женщина не понаслышке знает, как пользоваться этим оружием.

– Ты хотел меня видеть? – спросила она, обратив на посетителя внимательный взгляд.

– Да, – ответил он. – Вы – капитан Драккен из городской стражи?

Женщина кивнула и нетерпеливо побарабанила пальцами по кожаному ремню. Девлин колебался, зная, что если откроет рот, то уже не вернет сказанного. Но он понимал, что время пришло, ощущал это всем нутром.

– Я пришел за Избранным.

– Я ведь уже говорил тебе, что Избранного...

– погоди. – Капитан оборвала юного стражника, подняв ладонь, и кивнула Девлину. –

Продолжай.

Торговое наречие с трудом давалось Девлину. Он попытался объяснить еще раз:

– Я пришел, чтобы стать Избранным.

Оба стражника уставились на него, вытаращив глаза и открыв рты. Если бы Девлин не потерял способность радоваться, он бы рассмеялся, глядя на выражение их лиц, но в теперешнем своем положении почувствовал всего лишь мрачное удовлетворение.

Капитан Драккен потерла подбородок.

– И ты думаешь, Боги примут тебя?

– Да.

Молодые стражники отвернулись, однако женщина продолжала пристально смотреть на него.

– В любом случае сегодня ничего не выйдет. У нас праздник, если ты еще не заметил.

Приходи завтра, и мы проведем церемонию посвящения.

– Нет.

Стражники застыли – на их памяти еще никто не осмеливался перечить капитану Драккену.

– Нет, – повторил Девлин. Он прошел этот долгий путь не для того, чтобы получить от ворот поворот. К тому же в балладах нередко упоминалось, что Избранный приходил во дворец и его прогоняли, потому что он являлся в неподходящее время. – Я никого не знаю в городе, и у меня нет денег, – объяснил Девлин. – Меня не пустят ни в таверну, ни на постоялый двор.

– Сегодня можешь переночевать в караулке, – загадочно усмехнулась капитан Драккен, – а завтра я сама отведу тебя в храм, где ты принесешь клятву. Устраивает?

Несмотря на желание Девлина поскорее покончить с делом, он решил, что один день не имеет большого значения.

– Вполне.

Старший стражник убрал копье, освобождая проход через ворота. На его лице отразилась странная смесь жалости и презрения. Младший охранник не смотрел на Девлина и упорно сверлил взглядом землю, пока тот не прошел мимо.

Капитан быстрым шагом двинулась вперед и повела Девлина по периметру замка. Они миновали аккуратный сад со шпалерами, внутренний двор, назначения которого он не смог

определить, и наконец, королевские конюшни, где конюхи встретили спутницу Девлина оживленными приветствиями.

За конюшнями стояли два здания. Первое из них – длинное низкое строение с белеными стенами и рядом узких окон – Девлин принял за казарму. К казарме примыкал небольшой кирпичный сарай, в стене которого под самой крышей виднелась пара крохотных окошек, Девлин решил, что это склад, но, к его удивлению, капитан не остановилась возле казармы и привела его прямо к маленькой кирпичной пристройке. У двери она обернулась и взглянула на Девлина. Как и тогда у ворот, на ее лице появилась кривая усмешка.

– Караульное помещение, – объявила она.

Девлин посмотрел на женщину, потом перевел взгляд на сарай. С близкого расстояния он заметил, что окошки здания забраны железными решетками. Его опять подвело плохое знание торгового наречия. «Караульное помещение» – это не то место, где собирается караул. Наоборот, туда сажают тех, кого надо караулить. Короче говоря, просто-напросто тюрьма.

Дверь открылась внутрь, подтверждая его догадку. В центре комнаты напротив друг друга за столом сидели двое. Один из них, солдат, увидев капитана, вытянулся по стойке «смирно». Оглядевшись, Девлин насчитал шесть тесных помещений, точнее, камер – по две вдоль каждой из трех стен. В четвертой стене была дверь, через которую они вошли, а вокруг на крюках висело оружие и наручники всевозможных размеров. Через распахнутые деревянные двери, обитые железом, было видно, что камеры пусты.

– Полагаю, ты доволен моим гостеприимством? – резко спросила капитан Драккен.

Девлин не стал возражать. Место выглядело достаточно чистым, а он так устал, что охотно провел бы ночь даже в стойле вместе с лошадьми.

– Мне подходит.

Капитан удивленно вздернула брови, как будто слова Девлина шли вразрез с первым впечатлением, которое он на нее произвел.

– Сержант Лукас, этот человек – наш гость, – сказала она охраннику. – Он может входить и выходить, когда пожелает.

Ага, значит, его не заключили под стражу. До этого Девлин смутно задавался вопросом, в качестве кого он тут находится, хотя на самом деле ему было наплевать. Он собрал всю свою волю, чтобы попасть во дворец, а добравшись, обнаружил, что у него нет сил действовать дальше.

– А как насчет меня? – спросил второй обитатель темницы, поднявшись из-за стола и отвесив учтивый поклон. Несмотря на синяки и ссадины, которые портили его внешность, незнакомец казался скорее мальчиком, чем взрослым мужчиной. У него было худощавое, узкое лицо и светло-каштановые волосы, ниспадающие на плечи.

– Ты отсюда никуда не выйдешь. Вчера ты чуть не устроил дебош, а моим людям хватает других забот, кроме как спасать твою несчастную шкуру. Останешься под стражей до окончания праздника, а если попробуешь улизнуть, я займусь тобой сама. Ясно?

– Ясно, – ответил юноша и покраснел.

Капитан Драккен снова повернулась к Девлину.

– Церемония посвящения в Избранные состоится завтра в полдень. Я приду за тобой. Но если решишь уйти, тебя никто не осудит.

– Я буду здесь.

Капитан удалилась, и Девлин оказался в центре внимания. Немолодой сержант Лукас, бывалый солдат, смотрел на Девлина настороженно, а юноша следил за ним зачарованным взглядом.

– Ты хочешь стать Избранным? – спросил он.

Девлин сделал вид, что не замечает парня, скинул с плеча мешок и швырнул его в угол камеры, потом снял плащ и повесил его на крюк. В камере он уселся на койку и начал расшнур-

ровывать башмаки. Движения его были медленны, словно каждое из них требовало полной сосредоточенности. В другое время это встревожило бы Девлина, но сейчас он оставался спокоен. Свою усталость он связывал с трудным путешествием и с чувством странного разочарования после далеко не самого радушного приема.

– Здесь хотя бы кормят? – поинтересовался он.

– Можешь раздобыть чего-нибудь сам, а вообще-то ужин принесут после захода солнца, – отозвался солдат.

Девлин кивнул, скинул левый башмак, за ним правый. Лохмотья на его ногах когда-то были носками. Придется что-то придумать, но позже.

– Разбуди меня, когда принесут еду, – попросил он сержанта и вытянулся на койке. Долгие недели ему приходилось ночевать в полях и амбарах, и теперь он по-настоящему наслаждался мягкой подстилкой. По привычке правая рука Девлина покоилась на кинжале, висевшем на боку.

– Эй, погоди, не спи. Сейчас еще только полдень, и мне хочется тебя о многом расспросить, – сказал юноша.

Девлин закрыл глаза и заткнул уши. Голос парнишки неясно звучал где-то в отдалении, а потом все исчезло.

* * *

Он проснулся и увидел солнечный луч, который пробрался в мрачное помещение сквозь узкое отверстие в стене. Золотая нить пересекала тесную камеру и обрывалась у деревянной двери. Дверь была закрыта, из-за нее доносились голоса.

Девлин сел и протер глаза, стряхивая остатки сна. Быстрая проверка подтвердила, что оружие по-прежнему при нем. Мешок тоже выглядел нетронутым – то ли по глупости ему чересчур доверяли, то ли обшарили вещи так искусно, что он ничего не заметил. Башмаки валялись на полу; обуваясь, он старался не слишком рассматривать стертые ноги.

Девлин встал и подошел к двери. Он не помнил, чтобы закрывал ее, однако от легкого толчка она сразу же отворилась.

Сержант и юноша сидели за столом в общей комнате вместе с еще одним солдатом, которого Девлин прежде не видел. Парнишка сидел спиной к Девлину и тихонько тренькал на лютне.

Услышав, что Девлин вышел из камеры, старый солдат обернулся и поприветствовал его:

– Доброе утро.

– Доброе, – вежливо ответил Девлин.

Юноша опустил лютню и повернулся.

– Доброе утро! Я все ждал, когда же ты проснешься. Вчера за ужином ты и пары слов не сказал, а когда опять заснул, я думал, это на тысячу лет. Я решил, ты болен или умираешь, но сержант Лукас сказал, что ты просто устал и что мне нельзя тебя беспокоить.

Девлин сохранял бесстрастный вид. После того, как его привели в караулку, он больше ничего не помнил, а по словам менестреля выходило, что вчера он вставал и ужинал, даже не проснувшись как следует. Получается, он загнал себя сильнее, чем ему казалось, если дошел до такой степени истощения. Что еще хуже, он не осознал этого вовремя. Подобная небрежность была не в его характере.

Девлин обвел взглядом помещение, заметил возле очага кувшин с кавой и выразительно посмотрел в направлении кувшина.

– Угощайся, – предложил Лукас.

С полки над очагом Девлин снял оловянную кружку, налил в нее кавы и подошел к столу. Оба солдата сидели лицом к двери. Он тоже выбрал бы это место, но пошел на компромисс и уселся напротив юноши, таким образом держа в поле зрения и людей, и дверь.

Девлин отхлебнул глоток горячего напитка. В комнате повисла неловкая тишина; никто, похоже, не собирался ее нарушать. Девлин размышлял, скоро ли за ним придет капитан Драккен.

На дальнем краю стола стояла корзина с хлебом и фруктами. Второй солдат протянул руку и подвинул корзину поближе к Девлину.

– Спасибо, – поблагодарил тот, взял сладкую булку и начал есть, прихлебывая каву.

Лукас разглядывал его, словно оценивая.

– Я сказал юному Стивену, что ты держишься как старый вояка – ешь и спишь, когда есть возможность, и ни на что не жалуешься.

В ответ Девлин лишь неопределенно промычал.

– Ты был солдатом? – спросил юноша.

– Нет.

Девлин устремил на парнишку самый свирепый взгляд, какой только мог изобразить, в надежде отбить у него охоту к дальнейшим расспросам. Но юношу это не испугало.

– Я – Стивен из Эскера, менестрель. Должно быть, вчера ты пришел сюда по милости самого Канжти. Я как раз сочиняю балладу об Избранном, и она станет величайшим из моих творений.

– Ты-то уж точно попал сюда не по счастливой случайности, – фыркнул Лукас. – Из-за твоей последней баллады вчера случилась драка.

– А, маленькая промашка, и только, – махнул рукой юный менестрель. – Я же не знал, что эти мужланы не способны оценить всю красоту моего переложения легенды о королеве Хоте.

– Уже почти год у нас нет Избранного, – вступил в разговор второй солдат. – С тех пор, как последняя Избранная дева погналась за ведьмой Альфридой и увязла в болоте, где ее сожрала огромная змея.

– Нет, эта была предпоследней, – возразил Стивен. – Последнего Избранного загрызли оборотни.

– Точно, волки-оборотни, – подтвердил солдат. – Он превосходно владел мечом и все-таки продержался только месяц. Интересно, надолго ли хватит крестьянина?

Девлин промолчал, понимая, что его просто пытаются спровоцировать. Однако им все равно не удастся разозлить его, потому что на мнение других ему наплевать.

– Ты не сказал, как тебя зовут, – произнес Стивен.

– Девлин. Девлин Стоунхенд.

Это имя было близко к его настоящему, и за последние месяцы он успел к нему привыкнуть.

Менестрель вытащил из кармана маленькую записную книжку в кожаном переплете и перо.

– Девлин Стоунхенд, – повторил он. – Из Дункейра?

– Да.

Отрицать, что он родом именно оттуда, было бы глупо, ведь речь Девлина и так выдавала его происхождение.

– Отлично. Я, конечно, не стану упоминать твоего имени. Избранных всегда убивают еще до того, как о них сложат песню. В наше время мы называем их всех просто «Избранными», чтобы не ломать голову. Правда, нелегко подобрать рифму к слову «избранный», разве что «забрызганный», но это тоже не очень-то... – Менестрель умолк, задумавшись о трудностях своего ремесла.

Джорскианцы верили, что Избранных на службу призывают Боги, которые наделяют их великой силой и храбростью. В дни славных подвигов Избранных рыцарей и дев о них слагалось множество баллад, однако за те века, что прошли после гибели Дональта Мудрого, барды и менестрели сочинили едва ли с десятков песен. Может быть, с тех пор измельчали люди, а может быть, возросли опасности, с которыми им приходилось сталкиваться. Так или иначе, в теперешнее смутное время желающих стать Избранным почти не осталось. Всех, кто вызывался, через несколько месяцев после принятия титула находила страшная смерть.

Отчаявшись, король начал предлагать большую награду тем, кто принесет клятву Избранного, но даже это привлекало все меньше и меньше добровольцев. Что пользы в золотых монетах, если ты умрешь, не успев их потратить?

Девлин точно знал, что сделает с обещанным вознаграждением, а кроме того, за последние месяцы он слишком много повидал, и потому его не страшил никакой враг, будь то человек, зверь или демон. Если жители королевства готовы заплатить за то, чтобы кто-то взял на себя роль героя, они получают, чего хотят.

II

Капитан Драккен пришла за ним в полдень.

– Ты не ушел? – спросила она, и на ее грубоватом лице отразилось искреннее удивление.

– Я говорил, что не уйду.

– Точно, говорил. Вчера ты не назвал своего имени.

– Девлин. Девлин Стоунхенд.

Капитан недоверчиво взглянула на него. Девлин понимал ее колебания. Он побрился и сменил рубашку – надел ту из двух, что была почище, – но для того, чтобы выглядеть хоть чуть-чуть поприличнее, ему требовалась хорошая ванна и новая одежда.

– Ты фермер?

Капитан задала свой вопрос учтивым тоном, однако слово «фермер» в ее устах вполне могло означать принадлежность к самому низкому сословию.

– Был когда-то, – коротко ответил Девлин. Он пришел продать свое будущее, а выспрашивать о его прошлом эти люди права не имеют.

– Насколько мне известно, ни один фермер еще не становился Избранным. Солдаты, торговцы, младшие сыновья и дочери дворян – были, а фермеры – нет.

– И у нас еще ни разу не было Избранного из Дункейра, – подхватил Стивен. – Девлин станет первым во многих отношениях.

– Я смогу за себя постоять, – сказал Девлин, отвечая на невысказанный вопрос капитана.

Лицо женщины по-прежнему выражало сильное сомнение.

– Если ты станешь Избранным, тебе придется делать гораздо больше, чем просто защищать себя.

Если он станет Избранным, он будет рисковать своей жизнью снова и снова, пока не найдется враг, который окажется ему не по силам.

– Я слышал, последний Избранный искусно владел мечом, но погиб всего через месяц после того как принес клятву. Пусть Боги решают, гожусь ли я для этой службы. – Не желая уступать, Девлин смотрел прямо в глаза капитану.

– Для фермера у тебя довольно острый язык. Впрочем, ты прав – не мне решать твою судьбу. Пойдем и побыстрее покончим с этим.

– А как же я? – подал голос Стивен.

– Праздник закончился. Ты тоже можешь идти, но если снова устроишь беспорядки, я прогоню тебя из Кингсхольма.

– Нет, нет, – энергично замотал головой менестрель, – я получил хороший урок. Больше никаких политических песен, отныне я буду исполнять только баллады о героях.

Стивен шел вслед за Девлином, которого капитан Драккен провела через внутренний двор к небольшому храму из белого камня. Фрески над входом указывали на то, что это королевский храм, посвященный не одному Богу, а всем семи.

Внутри храма у каменного алтаря стояли двое мужчин. На первом была коричневая ряса священника. Второй – худощавый, средних лет – был облачен в широкие штаны и короткий камзол. Одежды такого покроя Девлин прежде не встречал. Длинные каштановые волосы чело- века свисали спутанными локонами и придавали ему необычный вид. На алтаре горели две свечи, лежал серебристый меч и маленькая деревянная коробочка. Несмотря на жаркий лет- ний день, в храме стоял странный холод. Девлин только теперь осознал неизбежность своего выбора и почувствовал, что у него на лбу выступил пот.

– Ты еще можешь отказаться, – сказала капитан Драккен. – Уходи отсюда и возвращайся к семье, незачем губить свою жизнь.

На какой-то миг Девлин чуть не поддался искушению уйти, но, услышав про семью, отбросил все сомнения. Капитан ошибается: ему некуда возвращаться, и лучшего применения своей жизни уже не найти. Если ему суждено умереть во время церемонии посвящения, никто не станет оплакивать его смерть.

Священник не обращал внимания на Девлина, зато второй человек разглядывал его с любопытством.

– Это и есть новый Избранный? Капитан, и для этого вы подняли меня с постели?

Подойдя ближе, Девлин рассмотрел, что мужчина бледен, у него красные воспаленные глаза, штаны измяты, а спереди на камзоле заметно темное пятно, да и вообще у него вид человека, которого насильно вытащили с разгульной пирушки.

– Я не виновата в том, что вы мучаетесь похмельем, – сурово проговорила капитан Драккен. – Чем быстрее мы освободимся, тем скорее вы сможете отправиться обратно в кровать.

Похоже, подобная грубость – обычное дело в Джорске, подумал Девлин. В конце концов, он прошел две сотни лиг и предложил свою жизнь ради защиты королевства, поэтому имеет право рассчитывать на уважение. А вместо этого с ним обращаются как с нищим бродягой.

– Брат Арни, мастер Дренг, это – Девлин Стоунхенд из Дункейра, – представила Девлина капитан Драккен.

Священник кивнул и отвернулся. Стоя спиной к Девлину, он раскрыл деревянную коробочку и принялся доставать из нее какие-то предметы, раскладывая их на алтаре. После этого пошарил в кармане рясы и извлек оттуда небольшой камень. Коснувшись камнем свечи, он прочел короткую молитву – свеча вспыхнула.

Неожиданно для себя Девлин изумился. Раньше ему не приходилось видеть огненный камень – кремень. Только самые богатые жители Дункейра могли позволить себе такую роскошь, а здесь священник обращается с камнем так, будто в нем нет ничего особенного. Он повторил фокус с другой свечой, спрятал кремень обратно в карман и обратился к Девлину:

– Ты понимаешь, что возможно лишь одно из двух? Боги либо примут твою клятву, либо покарают смертью за дерзость.

– Бьюсь об заклад, что он умрет, – насмешливо сказал маг. – Кто-нибудь хочет поставить на него? Скажем, серебряную монету.

– Я хочу, – вызвался менестрель.

– А что ты предложишь против серебряной монеты?

– Мою лютню, – сказал Стивен, вспыхнув от смущения.

Придворный маг ухмыльнулся.

– Отлично, – с издевкой проговорил он. – Мое серебро против твоей лютни.

Пари было неудачным. Девлин ни за что не поставил бы на себя. Он знал, что Боги ненавидят его. Вопрос лишь в том, будет ли смерть мгновенной или они захотят продлить его страдания, оставив его в живых и сделав Избранным. Девлин не страшился смерти. Хаакон, Владыка Смерти, много раз приближался к нему за последние месяцы, но так и не забрал к себе. Чего Девлин действительно боялся, так это заклятия уз, которое накладывалось на Избранного во время церемонии посвящения. Как только он произнесет клятву, магические узы будут следить, чтобы Девлин не нарушал ее. В сущности, воля Избранного с этой минуты подчинена воле Богов. Нормальному человеку подобная перспектива внушила бы ужас, но Девлин уже и сам не знал, нормален он или безумен.

Наконец священник все подготовил.

– Сын мой, становись сюда, в круг, и положи обе руки на алтарь.

Девлин повиновался. Брат Арни обошел вокруг алтаря и встал лицом к Девлину. Капитан встала по правую руку Девлина, маг – по левую.

– Капитан Драккен присутствует на церемонии как представитель короля, а мастер Дренг произнесет связующее заклинание, – объяснил священник. У него был такой вид, словно он

проводил один и тот же ритуал в сотый раз, и слова слетали с его губ механически. – Если Боги примут тебя в качестве Избранного, тебе простятся все грехи, но прежде ты должен исповедаться здесь, в присутствии свидетелей.

– Я не совершил ничего, за что полагалось бы ваше прощение.

Поколебавшись, брат Арни продолжил:

– Ты должен посвятить служение одному из Богов, своему личному. Ты, конечно, считаешь Владычицу Соню?

– Нет.

Керри почитала Соню, но Богиня Войны предала ее. Он не будет присягать лживой богине.

– Хорошо, тогда кто? Владычица Теа?

– Нет.

Теа считалась Матерью Богов и покровительствовала земледельцам. Она тоже предала Девлина и его близких.

Священник растерялся.

– Кого же ты избрал? Чары нельзя наложить, пока ты не призовешь в покровители одного из Богов.

Уголкем глаза Девлин заметил Стивена и вспомнил, что еще утром тот упоминал имя Канжти, Бога Удачи. Канжти – Бог, не имеющий ни жрецов, ни храмов. Кое-кто называл его полубогом, единственным из семи, о чьем происхождении велись ожесточенные споры. Бог-одиночка для человека, у которого никого нет, – весьма подходящий выбор.

– Канжти, – объявил Девлин.

Брат Арни кинул взгляд на мага.

– Канжти сойдет не хуже других, – успокоил священника Дренг. – Дайте ему меч, и можно приступать.

Священник взял с алтаря меч.

– Возьми его обеими руками и подними перед собой острием вверх, – приказал он Девлину. – И повторяй за мной клятву верности.

Меч был явно сработан мастером. Длинное лезвие, заостренное в старинном стиле, рукоять из эбенового дерева с узорами из серебра... В отблесках пламени свечи на лезвии мерцала вязь древних рун.

Девлин принял меч от священника. Держать клинок в левой руке было неудобно, и, пытаясь переложить меч в правую руку, он нечаянно уронил его. Меч упал на мраморный пол с обычным звоном стали о камень. Повинуясь интуиции, Девлин поднял меч и внимательно осмотрел лезвие. Слабый блеск металла свидетельствовал о том, что клинок сделан из отличной стали. И все-таки что-то было не так.

Он понимал, что остальные смотрят на него с нетерпением и беспокойством, но не спешил. Он провел большим пальцем по острому лезвию, прилагая ровно столько силы, чтобы не порезаться до крови, затем левой рукой вытащил из ножен свой кинжал и ударил рукоятью кинжала по лезвию меча. В звуке удара Девлин снова услышал нотку фальши. Он вложил кинжал в ножны и смущенно покачал головой. Стоит ли высказать свои подозрения и раскрыть себя или лучше промолчать в ответ на пренебрежение, с которым к нему отнеслись?

Какое-то мгновение Девлин боролся со своей совестью, но в итоге решил, что не сможет смолчать. Честь – единственное, что у него осталось.

– Я не буду приносить клятву на этом мече, – сказал он и положил меч на алтарь, так что половина клинка оказалась на весу.

– Почему? Ты зашел слишком далеко, и отступить уже поздно, – с неодобрением сказала капитан Драккен.

– Потому что любая клятва, принесенная на этом мече, будет такой же фальшивой, как и он сам.

Девлин положил левую руку на рукоять меча и прижал ее к алтарю. Сжав ладонь правой руки в кулак, он поднял его над головой. Со свистом рассекая воздух, кулак ударил по лезвию. С отвратительным треском меч раскололся надвое.

– О Боги, сохраните нас! – испуганно воскликнул брат Арни.

Капитан Драккен побелела и закусила губу, представив, что случилось бы с тем, кто доверил бы свою жизнь этому мечу в настоящем бою.

Придворного мага происшедшее, казалось, позабавило. Он посмотрел Девлину в лицо – впервые за все время – и произнес:

– Теперь я понимаю, почему тебя называют Стоунхенд. <Stonehand (англ.) – каменная рука.>

На самом деле Девлин позаимствовал это имя у своего отца, который был каменщиком. Не все ли равно, на какое имя отзывать в чужой стране?

– Как ты догадался? – потребовала объяснений капитан Драккен.

– Вы назвали меня фермером, но когда-то я работал кузнецом. Кое-какие секреты остаются в памяти навсегда.

– Но что нам теперь делать? – заволновался священник. – Нельзя же завершить ритуал без меча.

Капитан Драккен сняла с пояса свой меч.

– Этот подойдет?

Девлин взял клинок. Меч был самый обыкновенный, солдатский. Зазубрины на лезвии говорили о том, что меч не щадили в бою, однако лезвие было острым, а когда Девлин легонько стукнул им о камень, оно отозвалось звоном истинной стали.

– Да, этот мне подойдет.

Брат Арни подал знак, и Девлин поднял меч над головой, чувствуя себя немного глупо. Но как только мастер Дренг взмахнул обеими руками и на незнакомом Девлину языке принялся нараспев читать заклинание, чувство неловкости исчезло. Прогоняя тьму, вокруг Девлина начало разгораться сияние, будто само Солнце спустилось с небес, чтобы посмотреть, достоин ли он стать Избранным. Хотя капитан Драккен внешне оставалась спокойной, когда круг света подобрался к ее ногам, она поспешно отступила вправо.

Священник приступил к чтению молитвы; его высокий голос резко отличался от глубокого баса Дренга.

Девлину показалось, что с начала молитвы прошла целая вечность. Он так долго удерживал меч в воздухе, что заболели руки.

– Повторяй за мной слова клятвы, – обратился к нему брат Арни и одним духом отбарабанил фразу на Высоком наречии Джорска.

Девлин произнес незнакомые слова с легкой запинкой. Он не говорил на Высоком наречии и не знал, в чем именно сейчас клянется.

– Теперь то же самое, только на торговом наречии, которое ты понимаешь, – сказал священник. – Повторяй за мной: я, Девлин из Дункейра, клянусь защищать короля и народ Джорска против всех врагов, из мира земного и адской бездны...

– Я, Девлин из Дункейра, клянусь защищать короля и народ Джорска против всех врагов, из мира земного и адской бездны... – повторил Девлин, хотя и сам не знал, что сможет сделать против врага из адской бездны.

– Клянусь вершить правосудие именем короля, следить за выполнением всех законов и исполнять волю Богов. Клянусь своей жизнью и душой, что не нарушу данной клятвы.

Ни один человек не мог бы выполнить всего, о чем говорилось в клятве, но Девлин послушно повторил слова.

– Я призываю Владыку Канжти в свидетели моей клятвы и прошу его покровительства, – проговорил брат Арни, кинул быстрый взгляд на Девлина и опустил глаза в пол. Капитан Драккен и придворный маг тоже избегали смотреть в сторону Девлина. Он понял: они боятся того, что сейчас может произойти. Наверное, наступила минута, когда Боги проявляют свое недовольство и отвергают претендента.

Девлин глубоко вздохнул и проговорил:

– Я призываю Владыку Канжти в свидетели моей клятвы и прошу его покровительства.

Едва он произнес последние слова, как волна холодного пламени пробежала по клинку, вошла в руку и пронзила тело. На короткий миг Девлина обожгло ледяным огнем, а потом все кончилось. Он больше не ощущал ничего, кроме тупой боли в висках.

В храме стояла тишина. Придворный маг закончил читать заклинание и теперь разглядывал Девлина с легким недоумением.

Девлин опустил меч и спросил:

– Это все?

Сам не зная почему, он чувствовал себя обманутым.

– Церемония окончена, – ответил священник, искоса посмотрев на Девлина и вновь обратив взгляд на алтарь. – Теперь ты – Избранный, рыцарь Богов, защитник королевства и народа, до самой твоей смерти.

Судя по тону, брат Арни был уверен, что Девлин не протянет и недели. Он подал Девлину золотое кольцо, которое во время церемонии лежало на алтаре.

– Надень.

Девлин надел кольцо на средний палец левой руки. Скорее это был перстень, так как в центре его находился какой-то темный камень.

– Теперь скажи: «Я – Избранный», – подсказал священник.

– Я – Избранный, – произнес Девлин, и камень в перстне начал светиться красным.

– Забавный фокус, правда? – сказал Девлину маг. – Во время церемонии перстень получил связь с твоей душой. Никто, кроме тебя, не может повелевать им. Это символ твоей власти.

– Он перестанет светиться?

– Да, постепенно.

Брат Арни задул свечи и принялся укладывать предметы, использованные во время церемонии, обратно в коробочку. Среди них Девлин заметил второй камень, который теперь слабо мерцал красноватым светом, но священник убрал его, прежде чем Девлин успел спросить, что это такое.

Мастер Дренг изобразил нечто вроде полупоклона.

– Избранный, признаюсь, твое посвящение было весьма... любопытным. Надеюсь услышать о твоих подвигах. Брат Арни, капитан Драккен, я удаляюсь, чтобы предаться вполне заслуженному отдыху.

– Вы забыли о нашем споре? – напомнил о себе Стивен.

Взгляды всех четверых обратились к нему, и юный менестрель, сконфузившись, тут же сделал шаг назад.

Маг улыбнулся и пошарил в кошельке, висевшем у пояса. Достав оттуда большую серебряную монету, он кинул ее Стивену.

– Отведи нового Избранного в трактир и закажи хорошей выпивки, она пойдет ему на пользу.

Девлин повернулся к капитану Драккен и протянул ей меч.

– Спасибо за то, что одолжили мне его.

– Теперь он твой, – покачала головой женщина.

– Меч мне ни к чему. Я умею обращаться с боевым топором и арбалетом, но никогда не учился владению мечом, – признался Девлин. В его возрасте начинать уже поздно. Молодые воины тратили десяток лет, чтобы освоить это искусство.

– Все равно он твой. Возможно, когда-нибудь он тебе пригодится. – Капитан отстегнула пряжку пояса и вручила его Девлину. – Возьми. Не переживай, я пользовалась этим мечом только на тренировках, дома у меня есть другой.

– Спасибо, – смущенно пробормотал Девлин.

Теперь он – должник капитана, и придется найти способ, чтобы расплатиться с ней. Еще раньше он поклялся, что больше никогда не будет перед кем-то в долгу.

– И что дальше? – спросил Девлин.

– Ты имеешь в виду, спустится ли с небес божественный посланник, чтобы возвестить о твоём задании? – засмеялась капитан Драккен.

Девлин осознал свою наивность, и по его лицу скользнула тень улыбки. А ведь он никогда и не задумывался, что случится после того, как он станет Избранным. Он понял, что в глубине души не надеялся выдержать посвящение.

– Что-то вроде того...

– Вообще-то поручение тебе может дать король или я как капитан королевской стражи, но скорее всего задания найдут тебя сами. Какой-нибудь умирающий от голода крестьянин приползет во дворец и расскажет о набегах разбойников или загадочных болезнях, насланных колдуном, и ты почувствуешь, что должен поехать и выяснить, в чем там дело.

«Должен». Девлин внутренне содрогнулся, вспомнив о заклятии уз, которое отныне будет заставлять его служить этой стране и ее странным людям.

Капитан Драккен, видимо, уловила перемену в его настроении.

– Не волнуйся, проблемы найдут тебя совсем скоро. А сейчас я предлагаю тебе последовать совету мастера Дренга и как следует напиться. Когда протрезвешь, попроси слугу проводить тебя к главному распорядителю замка. Покажешь ему перстень, он ответит тебя в твои покои и выдаст первую половину вознаграждения.

Вознаграждение! Он почти забыл о цели, с которой пришел сюда. Десять тяжелых золотых монет после посвящения и еще десять – после смерти или после сложения с себя звания. Двадцать золотых – настоящее богатство. Оставайся Девлин кузнецом, он не заработал бы этого и за десять лет, а уж фермером – и за всю жизнь.

Капитан Драккен оглядела его с головы до ног и задумчиво проговорила:

– Вот что я тебе скажу. Ты – самый удивительный из всех Избранных, что у нас были. К добру это или к худу, я пока не знаю, но среди вельмож твоё появление наделает немало шума.

Покинув храм, Девлин обнаружил, что дорожки внутреннего двора залиты ярким солнечным светом. Девлин изумился – он был уверен, что церемония тянулась гораздо дольше. Вслед за ним из храма вышел Стивен.

– Избранный, я почту за честь пригласить тебя выпить лучшего эля или самого изысканного вина во всем Кингхольме.

Менестрель умоляющими глазами смотрел на Девлина, словно щенок, выпрашивающий подачку.

– Не сейчас. – Девлин поглядел по сторонам и понял, что заблудился. – Сначала проводи меня в караулку, где мы ночевали. Мне нужно забрать вещи, а потом найти главного распорядителя.

Стивен с радостью взял на себя роль провожатого.

* * *

Сержант Лукас отреагировал на их возвращение в тюрьму совершенно спокойно. Он не поздравил Девлина с успешным прохождением ритуала, а молча протянул ему мешок. После этого Девлин отправился к главному распорядителю. Сначала тот попытался отмахнуться от посетителя, и даже когда Стивен сообщил, что его спутник – новый Избранный, распорядитель лишь бросил на Девлина скептический взгляд. В конце концов Девлину пришлось показать перстень и применить его в действии, чтобы доказать, кто он такой. Убедившись, что перед ним действительно Избранный, главный распорядитель повел себя еще хуже. Теперь он смотрел на Девлина, словно на своего давнишнего обидчика. Он отказывался выплатить вознаграждение и утверждал, что у него деньги будут в лучшей сохранности. По настоянию Девлина он все же отсчитал десять золотых монет, но сделал это так неохотно, будто вытаскивал их из своего собственного кошелька. Вместо того чтобы лично показать Избранному его покои, распорядитель с подчеркнутой сухостью отправил с Девлином слугу.

Комната располагалась на втором этаже, в восточной башне. Помещение было просторным, с большими окнами, выходившими на плац, где тренировались солдаты. На широкой кровати могло уместиться целое семейство, однако из постельных принадлежностей на ней лежал лишь голый матрас.

– Белье унесли, – объяснил слуга. – Но раз вы здесь поселились, я пришлю горничных, и они сделают все как нужно.

Девлин опустил мешок на пол и повесил недавно приобретенный меч на крючок в стене. Напротив кровати стоял высокий платяной шкаф. Девлин открыл дверцу шкафа и увидел, что он заполнен темной одеждой всевозможных размеров – и новой, и поношенной; взгляд невольно задержался на серой куртке, испачканной чем-то, сильно напоминавшим засохшую кровь. Рядом со шкафом была прибита полка, на которой лежали два меча, а на стене висели огромный лук и пустой колчан. На полу у стены стояли два деревянных сундука; на крышке одного из них виднелась надпись «Зигфрид». В отличие от остальных вещей в чисто убранной комнате сундуки и оружие покрывал толстый слой пыли.

– А это что? – спросил Девлин, махнув рукой в сторону шкафа и оружия.

Слуга покраснел.

– Это... га... это принадлежало тем, кто жил здесь... до вас.

– Проследи, чтобы это барахло унесли, – приказал Девлин. Он совершенно не нуждается в подобных напоминаниях о своей неизбежной участи.

– Да, милорд, сию минуту, – ответил слуга.

Девлин огляделся и вдруг понял, что слуга обращается к нему.

– Меня зовут Девлин.

– Разумеется, милорд Девлин.

Развернувшись, Девлин вышел из комнаты.

– Куда мы идем? – поинтересовался Стивен.

– Ты не идешь никуда.

– Но я ведь пригласил тебя выпить со мной.

Девлин помолчал. Дружбы с менестрелем он завязывать не желал и к тому же понимал, что в разговоре со Стивеном придется очень осторожно выбирать слова; с другой стороны, он хотел побольше узнать о своем новом положении, а для этой цели менестрель подходил не хуже других.

– У меня есть кое-какие дела, – сказал Девлин. – Если ты не против, встретимся позже, только назови место.

Стивен просиял.

– Конечно! Как насчет «Поющей рыбы», скажем, сегодня на закате?

– Договорились.

– «Поющая рыба» находится в старом городе, у реки. Не бог весть что, зато кормят там неплохо, а вино просто отличное. Но, может быть, ты предпочитаешь какую-нибудь другую таверну, в квартале, где живет знать?

– «Поющая рыба» меня вполне устраивает, – ответил Девлин, не имея ни малейшего желания тереться возле местной знати.

– Ты легко отыщешь ее. Выйдешь из дворца к Королевским воротам и пойдешь по улице Победы. Оттуда нужно свернуть направо к малому храму Хаакона. На углу третьей улицы как раз и стоит таверна. Ты, конечно, можешь выйти и со стороны гильдии красильщиков, а там повернуть...

– Как-нибудь найду.

Девлин насилу отделался от своего словоохотливого проводника. После церемонии он постарался запомнить расположение всех построек во внутреннем дворе королевского замка и поэтому уже без посторонней помощи нашел выход в город.

На улицах было пустынно и хмуро – жители приходили в себя после трехдневных торжеств. Кое-где еще остались следы недавнего праздника: у дороги валялась разорванная гирлянда, неподалеку – осколки кувшина из-под вина.

Выйдя из дворца, Девлин некоторое время петлял по улицам, пока не убедился, что за ним не следят. Он не доверял джорскианцам, а судя по тому, как к нему отнеслись, недоверие было взаимным. Однако если кто-нибудь и наблюдал за ним, то делал это весьма искусно.

Успокоенный, Девлин пересек мощные улицы старого города, миновал распахнутые ворота и вошел в новый, внешний город. В квартале торговцев он обнаружил, что праздничные палатки исчезли, а на их месте стоят рыночные прилавки, и бойко идет торговля. В первую очередь Девлин нашел менялу, который согласился за одну золотую монету дать сорок серебряных. Девлин понимал, что сделка крайне невыгодна, но все же это лучше, чем объяснять, откуда у бродяги, одетого в лохмотья, взялась золотая монета. У торговца платьем Девлин купил три рубашки, две пары штанов и кожаную куртку. По совету торговца он взял еще шесть пар носков и прочие мелочи. Продавец платья очень удивился, когда Девлин вынул из кармана серебряную монету, ведь все, что он купил, стоило в десять раз меньше. Торговец долго ворчал, потом все же отсчитал сдачу, высыпав на прилавок груды медяков.

Выставлять напоказ такое богатство было опасно. Девлин с опозданием подумал, что ему следовало попросить менялу вместе с серебром дать ему несколько медных монет. У Девлина никогда не водилось так много денег, и с непривычки подобная мысль просто не пришла ему в голову. Он с опаской посмотрел по сторонам, но никто из толпившихся вокруг людей не обращал на него особого внимания, а завидев зеленую форму стражников, патрулирующих рынок, Девлин решил, что по крайней мере немедленное ограбление ему не грозит.

Новые башмаки были ему сейчас нужны даже больше, чем новая одежда, поэтому Девлин долго ходил по сапожным рядам, не задерживаясь возле тех торговцев, чей товар отличался дешевыми подметками, слишком тонкой кожей или небрежной прошивкой. Наконец он нашел сапожника, который, судя по выставленным образцам, шил неплохую обувь, и заказал ему пару крепких дорожных сапог. Мастер обвел ступню Девлина на листе пергамента и пообещал управиться за два дня. Он предложил Девлину доставить выполненный заказ на дом, но тот, не желая раскрывать, что живет в королевском замке, сказал, что сам заберет сапоги.

Уходя, Девлин заметил, что среди прочих товаров на прилавке сапожника лежат небольшие мешочки, сшитые из полосок кожи. Для настоящих кошельков они были малы, зато отлично подходили для целей Девлина. Он купил три таких мешочка.

На окраине рынка стояла палатка писца, за деньги предлагавшего свои услуги тем, кто не владел грамотой. Заплатив писцу, Девлин взял перо и три листа пергамента. Очевидно, умение

читать и писать в Джорске считалось редкостью, потому что писец с изумлением наблюдал за Девлином, который уселся за стол в палатке и быстро нацарапал три коротких послания. Убедившись, что за ним не подглядывают, Девлин опустил три золотые монеты и сложенный лист пергамента в один из кожаных мешочков. То же самое он проделал с двумя другими мешочками, потом туго затянул их и запечатал узлы воском.

Оставив писца в недоумении, Девлин пересек рыночную площадь и окликнул двух стражников, проходивших мимо.

– Что-нибудь случилось? – спросил стражник.

– Нет, просто я хотел бы знать, где можно найти купцов, которые возят шерсть, – объяснил Девлин. Он решил, что лучше всего положиться на торговцев шерстью. Несмотря на то что между Джорском и Дункейром можно встретить множество других купцов, только торговцы шерстью совершали регулярные путешествия в Дункейр, вывозя оттуда превосходную шерсть горных овец. Стояла середина лета, а это значило, что, как и каждый год, совсем скоро купцы вновь отправятся в путь.

Услышав странный акцент, стражники обменялись взглядами. Один из них посмотрел на руку Девлина, но перстня Избранного не увидел – Девлин решил пока не надевать его. И все же, разглядывая Девлина и его покупки, стражник о чем-то размышлял, потому что в его глазах стоял невысказанный вопрос.

– Почти все торговцы шерстью живут на улице Четвертого Союза. Я могу объяснить, как туда пройти, или дать вам провожатого... сэр.

Черт! У них нет причин называть его сэром, если только они не прознали, что он и есть Избранный. Наверняка подробное описание его внешности уже разослано во все концы города, и Девлин не сомневался, что благодарить за это следует капитана Драккен.

Девлин внимательно выслушал указания стражника и поспешил удалиться. Он легко отыскал квартал, где жили торговцы шерстью, и заглянул в первую же лавку. В лавке сидел немолодой мужчина, который оглядел посетителя с явным недоверием.

– Чем могу служить? – наконец спросил торговец, убедившись, что его нахмуренные брови не заставят незнакомца уйти.

– Ты возишь шерсть из Дункейра?

– Разумеется, и отличного качества. Смотри сам, – сказал лавочник, махнув рукой в сторону мешков, расставленных в углу.

Девлин подошел и пощупал шерсть – по цвету она не отличалась от настоящей кейрийской, но была чересчур жесткой.

– Ты сам возишь шерсть?

– Конечно, сам.

– А откуда именно?

– Из Альварена.

Торговец лгал. Альварен был столицей Дункейра и единственным городом, о котором большинство джорскианцев хоть что-то слышало. Но Девлин жил в Альварене и потому знал, что почти никто из купцов не ездит в Альварен, ведь в этом нет необходимости. Торговля шерстью, как и многими другими товарами, в основном велась в Килбаране, торговом городке на границе между Джорском и Бескрайними горами.

Девлин молча развернулся и вышел. Свой вопрос он повторил в следующей лавке.

– К сожалению, у меня не осталось кейрийской шерсти, – сказала седовласая женщина. – Та, что я привезла, уже продана. Но у меня большой выбор превосходной шерсти из других провинций.

– Нет-нет, спасибо, – поблагодарил Девлин. Шерстью он не интересовался.

– Не позже чем через месяц я поеду в Килбаран и с удовольствием выполню твой заказ, – предложила женщина.

Девлин внимательно посмотрел на нее. На вид она казалась честной, хотя немного староватой для торговли.

– А у кого ты покупаешь шерсть в Дункейре?

– У многих, хотя чаще всего у Бригии де Мор, дочери Несты-с-Гор. Она благословила меня своим именем, – с гордостью сказала женщина.

В Дункейре благословение именем играло очень важную роль. В буквальном смысле это означало, что Бригия де Мор считает эту женщину членом своей семьи. Редко кто из чужеземцев удостоивался такой чести. Конечно, все это могло оказаться и ложью, но Девлин почему-то чувствовал, что женщина говорит правду.

– Я попрошу тебя об одной услуге. Я заплачу тебе серебряную монету, если ты отвезешь в Килбаран небольшой сверток и передашь его Меркею, сыну Тимлина, которого еще называют Меркей-кузнец. Отдай сверток в руки ему и никому другому.

Женщина бросила на Девлина пронизательный взгляд.

– Серебряная монета – слишком большая награда за такую услугу.

– В ответ я потребую честного исполнения моей просьбы. И запомни: если обманешь, тебе не уйти от расплаты.

– Я никогда не обманывала своих покупателей и не собираюсь делать этого на старости лет, – резко ответила женщина. Она сильно напомнила Девлину его мать, которая тоже отличалась суровым нравом. – Давай свой сверток.

Девлин вручил женщине один из кожаных мешочков, в котором лежали три золотые монеты и письмо. Он знал, что Меркею можно доверять – кузнец проследит, чтобы деньги дошли до Агнеты, и заставит ее не отказываться от них только потому, что они от Девлина.

– В свертке – три золотых, – сказал он женщине. – Я говорю это просто, чтобы ты знала, что везешь.

Женщина устремила на Девлина долгий взгляд.

– Ты, конечно, не обижайся, однако по тебе не скажешь, что у тебя за душой есть хотя бы три серебряные монеты, не то что золотые.

– Я не обижаюсь, – ответил Девлин, – но клянусь всеми Семью Богами, что эти деньги принадлежат мне и заработаны честным путем.

Должно быть, что-то в выражении его лица убедило женщину, потому что она медленно кивнула и произнесла:

– Я тебе верю. Обещаю доставить сверток в Килбаран. Хочешь передать что-нибудь на словах?

– Нет.

Девлин не будет ничего передавать. Деньги Меркей возьмет, но скорее отрубит себе руку, чем признает существование Девлина.

– А если догадаешься, кто я такой, держи язык за зубами. Передай сверток, только не говори Меркею, кто тебе его принес и где мы с тобой встретились.

Меркею достаточно знать, что Девлин покинул город, а где он теперь и что с ним стало – не его забота.

– Я не стану ничего выдумывать, но и отвечать на расспросы тоже не буду, – твердо сказала женщина.

На большее Девлин рассчитывать не мог.

– Твоя любезность делает тебе честь, – промолвил он.

Девлин прошелся по другим лавкам и в конце концов нашел еще двоих торговцев, которые согласились выполнить его поручение. Хотя они и не внушили ему такого доверия, как та женщина, оба собирались выехать в ближайшие две недели.

Покинув лавку последнего торговца, Девлин облегченно вздохнул, словно сбросил с плеч тяжелую ношу. Он сделал все, что мог, – заработал деньги и с тремя курьерами отправил вдове

своего брата девять золотых. Даже если в Дункейр дойдет только один сверток, трех золотых монет Агнете хватит, чтобы расплатиться с долгами и прожить с тремя детьми, пока они не вырастут и не смогут позаботиться о себе сами. А если по воле Богов все три свертка благополучно придут в Килбаран, этого богатства с лихвой достанет, чтобы Агнета начала новую жизнь где-нибудь в другом месте.

Девлина не волновало, что в скором будущем за эти деньги ему придется отдать свою жизнь. Мысль о том, что он сделал все возможное и обеспечил семью брата, приносила ему хоть какое-то утешение и облегчала то бремя, которое душе Девлина суждено нести и после смерти.

III

Девлин не поднимал глаз от деревянного подноса и ел с сосредоточенностью человека, который поглощает пищу только в силу необходимости и не испытывает от этого никакого удовольствия. Наконец он справился с едой и отставил посуду.

– Вкусно. – Это было первое слово, произнесенное им за последние полчаса.

– Рад, что тебе понравилось, Избранный, – отозвался Стивен.

Девлин скривился.

– Называй меня Девлином.

Судя по всему, Избранный чувствовал себя в новой должности не очень удобно. Стивен добавил это наблюдение к тому немногому, что ему удалось разузнать о своем спутнике. Когда Девлин вошел в таверну, Стивен заметил, что Избранный облачился в одежды, более привычные для Джорска, хотя камзолам, приготовленным для него слугами во дворце, он предпочел наряд простого ремесленника. Стивен обратил внимание и на то, что Девлин не надел перстня и не взял с собой меч. Любой принял бы его за обычного мастерового или кузнеца, которым он себя называл. Даже возраст его определить было нелегко. Седые пряди в черных волосах придавали облику зрелость, однако черты лица свидетельствовали, что он еще довольно молод.

Заметив, что Девлин закончил трапезу, служанка подошла к столу, чтобы унести тарелки. Наклонившись к Стивену, она сказала:

– Хозяйка говорит, ты можешь заплатить за свой ужин, сыграв что-нибудь, но если твой друг не умеет петь, как ангел небесный, ему придется или заплатить деньги или помочь мне вымыть посуду.

От стыда щеки Стивена вспыхнули румянцем.

– Ты должна быть счастлива, что подаешь нам еду. Ты хоть знаешь, кто перед тобой? Это сам... ай! – Стивен обиженно взвизгнул, получив от Девлина изрядный пинок по ноге.

– Он хочет сказать, что мы благодарим хозяйку за вкусный ужин, и если у менестреля нет денег, заплачу я, – пояснил Девлин и выразительно звякнул кошельком, привязанным к поясу. – Будь любезна, принеси нам еще вина.

Девлин говорил спокойно, но его слова оказали на служанку немедленное действие.

– Да, сэръ, – только и сказала она и в мгновение ока вернулась с двумя кубками вина на подносе.

Наверное, все дело в голосе Девлина, решил Стивен. За все месяцы, которые менестрель приходил сюда, ни одна служанка не называла его сэром.

Стивен уставился на своего спутника, однако не разглядел в его внешности ничего такого, что внушало бы уважение. Даже несмотря на то, что Стивен воочию видел церемонию посвящения, ему с трудом верилось, что этот человек и есть Избранный. Девлин ничем не напоминал тех рыцарей, которые обычно воспевались в балладах и сагах – бравых и удалых. Девлин вполне мог быть кузнецом или лудильщиком, но спасителем королевства – нет, это просто невозможно!

– Ну что, вдоволь насмотрелся? Можно подумать, ты никогда не видел живого кей-рийца, – сказал Девлин.

Кровь бросилась Стивену в лицо. Ему действительно не доводилось прежде разговаривать с жителем Дункейра, однако Девлина он разглядывал вовсе не потому.

– Прости. Понимаешь, так дико... то есть не дико, а странно или лучше сказать, чудно... ну, что ты стал Избранным...

Девлин пригубил вино.

– А как, по-твоему, должен выглядеть Избранный?

– Как? Гм... – Стивен ни разу не встречал Избранного. Сюда он приехал всего несколько месяцев назад; ко времени его появления в Кингсхольме предыдущий Избранный уже погиб. – Он должен быть похож на Дональта Мудрого, последнего из великих Избранных. Говорят, преступники начинали рыдать и молить о прощении только от одного его взгляда. А когда в бою он обнажал свой клинок, враги сами убивали себя, страшась Сияющего Меча.

– Надо же, – усмехнулся Девлин, не скрывая недоверия.

– В сагах его называют величайшим из всех Избранных. К тому же он был последним, кто сложил с себя звание Избранного и провел остаток дней в покое и славе, – не унимался Стивен, не желая, чтобы кто-то, пусть даже новый Избранный, плохо отзывался о самом могучем герое за всю историю Джорска. После смерти Дональта минуло меньше ста лет, но многие – среди них и Стивен – были уверены, что вместе с его смертью ушел в небытие золотой век Джорска.

– А что было после него?

– После Дональта Избранной стала его дочь Миранда. Она отдала свою жизнь, защищая юного принца Аксея. Я сочинил о ней песню и, если хочешь, могу тебе спеть...

– Не надо.

Стивен подавил вздох разочарования. «Баллада о подвиге Миранды» была его лучшим сочинением. Всего неделю назад он исполнял ее в этой самой таверне, и хозяева пришли в полный восторг. По крайней мере во время выступления в него ничем не кидали.

– Если это звание столь почетно, почему же король вынужден предлагать за него награду?

– Все началось при короле Олавене. На королевство обрушилось множество бед, и редко кто находил в себе смелость стать Избранным. Одни говорят, это все от того, что Боги отвернулись от нас, другие считают, что в Джорске выродились настоящие храбрецы. Так или иначе, во времена наших отцов в королевстве целый год не было Избранного. Затем в южных провинциях появился ужасный дракон. Благородный принц Торвальд попросил короля позволить ему стать Избранным, но король Олавен отказался подвергнуть риску жизнь единственного сына и наследника. Вместо этого он присвоил принцу титул Первого рыцаря и генерала армии, а по всем храмам разослал указ, чтобы люди молили Богов о ниспослании нового Избранного. Король Олавен не ограничился только молитвами, а назначил награду, которая полагалась каждому следующему Избранному. В своей щедрости он пошел еще дальше, добавив к награде отпущение грехов и преступлений, а кроме того, приказал наложить на Избранного заклятие уз, которое гарантирует, что он будет использовать свою силу только на благо королевства. Об этих вещах Стивен деликатно умолчал. Его собственный отец целыми днями только и делал, что оплакивал состояние дел в королевстве, сетуя, до чего же низко пали джорскианцы, если, не найдя достойных людей, вынуждены прибегать к помощи бандитов и наемников.

Стивен не соглашался с отцом, полагая, что в любом, кого Боги призвали на службу, есть хоть немного благородства, несмотря на его прошлые злодеяния. Однако пока что новый Избранный никак не оправдывал ожиданий менестреля.

– А что это за Сияющий Меч? Уж наверняка не та дешевка, которую я видел сегодня утром.

– Нет-нет, это всего лишь копия. Сияющий Меч был утерян почти полвека назад, во время осады Инниса. Говорят... – Стивен умолк, вспомнив, что осада Инниса положила начало кровавому завоеванию Дункейра. Наверняка Девлин как один из представителей покоренного народа имеет собственное мнение о событиях, связанных с осадой.

– Достойный конец. – Избранный, откинувшись на спинку стула, скрестил на груди руки. – Неудивительно, что, потеряв честь в Иннисе, вы потеряли и меч.

– Не понимаю, о чем ты.

– Ну еще бы. Уверен, ты распеваешь баллады о том дне, пряча за красивыми словами горькую правду.

Лицо Девлина потемнело, глаза гневно засверкали, и менестрель ощутил холодок страха. Похоже, он ненавидел завоевателей своей родины, но тогда чем объяснялось его решение стать Избранным и почему Боги не покарали его во время посвящения?

Девлин пожал плечами; гнев оставил его так же быстро, как вода вытекает из пригоршни.

– Ладно, не важно. Того, что случилось задолго до нас, уже не вернешь.

– Нет важно! – возразил Стивен. Будучи менестрелем, он прекрасно знал, как деяния прошлого отзываются в настоящем, а иначе зачем людям вспоминать подвиги Дональта или воспевать эпоху королевы Регинлейвер?

– Между нашими народами нет приязни. Как они отнесутся к тому, что я стал Избранным?

Стивен отхлебнул из кубка, обдумывая ответ. Ему не хотелось разозлить Избранного во второй раз.

– Большинство из них не обратит внимания. В последние годы люди уже не почитают Избранных.

Ясно как день: учитывая недолгую жизнь Избранных, даже те, кому чужеземец придется не по нраву, не станут поднимать шума в надежде на его скорую смерть.

– Значит, мне не следует ждать ни помощи, ни помех, тем более что здесь я все равно никому бы не доверился, – промолвил Девлин и, задумавшись, мрачно уставился на свой кубок, затем резко поднял его и осушил до дна.

– Хочешь еще? Мы не потратили и половины моего выигрыша, – сказал Стивен. Возможно, еще одна порция вина развяжет Девлину язык.

– Нет, – отказался Девлин, поднимаясь из-за стола. – Уже поздно, мне пора идти.

– погоди, ты ведь ничего не рассказал о себе. Как же я сочиню песню? – Проведя два часа в компании Девлина, менестрель узнал лишь, что его новый знакомый пришел из Дункейра и когда-то был кузнецом. Стивен давно не встречал таких скрытных людей, как этот Избранный.

Девлин заколебался и в конце концов снова сел.

– Ну хорошо. Думаю, ты это заслужил. Можешь задать мне один вопрос.

Стивен начал лихорадочно соображать. В его голове роились десятки вопросов, но он сумел выбрать главный.

– Как получилось, что ты решил стать Избранным и проделал для этого такой долгий путь?

Девлин опустил голову, и Стивен испугался, что не получит ответа. Когда наконец Девлин поднял глаза, его лицо словно окаменело, хотя голос звучал легко и насмешливо.

– Все случилось примерно в такой же таверне, как эта. Я с честью одолел почти целый бочонок эля и хотел немного вздремнуть в уголке. Прежде чем заснуть, я услышал чьи-то разговоры об Избранном и тут же понял, что это как раз по мне.

– Так ты был пьян? – невольно воскликнул менестрель. Удивленный возглас Стивена привлек внимание других посетителей.

– Можно и так сказать, но я предпочитаю называть это посланием свыше, – негромко ответил Девлин.

Стивен не мог сдержать своего изумления.

– Ты прошел пешком сотни миль и предложил свою жизнь в защиту королевства только потому, что тебе во хмелю что-то там привиделось?

– Я имею право как угодно распоряжаться своей ЖИЗНЬЮ.

Нет, это никуда не годилось. Не мог же Стивен написать песню о человеке, который решил стать Избранным из-за нелепой прихоти в пьяном угаре. Девлин никак не вписывался в рамки героического образа.

– Можешь придумать для своей баллады что угодно, – сказал Девлин, вставая из-за стола. – Да и кто знает, может быть, со следующим Избранным тебе повезет больше?

– Может быть, – согласился Стивен, чувствуя, как к нему вновь возвращается оптимизм.

Девлин прав. Возможно, следующий Избранный будет именно тем рыцарем, о которых поется в героических сагах, и Стивен увековечит его имя в песне. Менестрель уже начал представлять восторженные отзывы о своем новом творении... Правда, другой Избранный появится только после того, как погибнет этот.

– Не подумай, что я желаю тебе зла, – торопливо добавил Стивен, но Девлин уже ушел.

* * *

Вернувшись в замок, Девлин добрался до своей комнаты, лишь немного поплутав по коридорам. Пробурчав слуге, что тот свободен, он лег в постель и попытался уснуть, однако его охватило какое-то смутное беспокойство. Не надо было ходить в таверну с менестрелем, подумал Девлин. Хотя он вел себя осторожно и не выдал Стивену ничего о своем прошлом, разговор с парнишкой разбередил старые раны. Даже вино не помогло – он выпил слишком мало, чтобы забыться, но слишком много, чтобы спать спокойно.

Судьба словно насмеялась над ним: вчера, когда никто, включая его самого, не верил, что он сумеет пережить следующий день, он спал как заколдованный. По-хорошему, сегодня он должен заснуть с легким сердцем, ведь он выдержал испытание и отправил деньги тем, кого навсегда оставил. Однако сон не шел.

Девлин встал и начал ходить взад и вперед по комнате. Спальня, еще недавно такая большая, теперь казалась ему меньше, чем тюремная камера, в которой он провел прошлую ночь. Он продолжал мерить шагами комнату, и его взгляд упал на мешок с вещами, который он так и не развязал. Девлин нагнулся, поднял мешок и положил его на изрезанный деревянный стол у окна. Открыв мешок, он извлек из него свои небогатые пожитки: поношенную рубаху, медный котелок, горсть коротких арбалетных стрел, кожаный футляр с точильными инструментами и пузырек с маслом. На дне мешка находился большой предмет, завернутый в полотно. Девлин выложил его на стол и развернул ткань: перед ним заблестела головка боевого топора. На том месте, где топорнице переломилось от последнего удара, еще оставались деревянные щепки. Девлин внимательно осмотрел лезвие, но следов ржавчины не нашел. Когда-то один вид топора вызывал в Девлине гордость: он сам выковал это оружие и доказал свое мастерство. Теперь же он глядел на топор и чувствовал лишь жгучий стыд.

Ему следовало оставить топор дома. Что за глупость – тащить его с собой всю дорогу! Головка без топорница – всего лишь кусок стали, бесполезная тяжесть. Не было никакой нужды брать его в путь. Кингсхольм – большой город, и Девлин наверняка подобрал бы здесь боевой топор по своему вкусу. Новый топор, не отягощенный кровавым прошлым.

Разумный человек избавился бы от этого проклятого оружия, но Девлин поймал себя на том, что тщательно удаляет остатки дерева из пазов топора. Завтра он найдет кузнеца и попытается заменить разбитое топорнице.

* * *

Наконец, провалившись в забытье, Девлин увидел сон. Стояла ранняя осень, когда листья еще только начали желтеть, а колосья в полях налились золотом и ждали жатвы. Ранним утром Керри вышла из дома. В руках она держала небольшую корзинку, где лежала их новорожденная дочка. Неторопливой и грациозной походкой Керри пересекла двор. Поставив корзинку на солнышко, она присоединилась к Кормаку и юному Бевану, которые убирали спелые красные тыквы и аккуратно укладывали их в корзины, чтобы затем поставить на зиму в погреб. Картина была мирной и благополучной; несмотря на нелегкую работу, все трое радостно смеялись и напевали, не глядя в сторону темного леса, окружавшего крохотную делянку. Только

Девлин заметил серебристых котравов, которые выбрались из чащи и начали осторожно подкрадываться к людям. Девлин хотел рвануться, но замер на месте, зная о том кошмаре, который вот-вот случится. «Керри! Кормака! Посмотрите на лес!» – кричал призрачный двойник Девлина... Увы, они не слышали, ведь его не было рядом с ними, как не было и на самом деле в тот страшный день.

В последнюю секунду Керри обернулась и увидела приближающуюся опасность. Она криком предупредила остальных и, схватив лопатку, бросилась к корзинке с младенцем. Котрав помчался за ней. Керри подняла с земли тяжелую тыкву и швырнула ее точно в котрава. Тыква ударила его между глаз, но это задержало его лишь на миг. Мерзкое создание потрясло головой и вновь ринулось вслед за Керри. Котрав сделал прыжок, и Керри, падая, накрыла ребенка своим телом. Она отчаянно отбивалась, но у нее не было оружия, только садовая лопатка, и справиться с мощью адского зверя женщина не могла. У Девлина разрывалось сердце, однако сон заставлял его смотреть на это ужасное зрелище снова и снова. На глазах у Девлина Керри теряла силы, из ее ран струилась темно-красная кровь. Крик застыл у Девлина в горле, когда он увидел, что два других котрава уже загрызли Кормака с мальчиком и теперь жадно разрывают на части мертвые тела.

Когда кровь матери залила корзинку, девочка начала плакать. Котрав толкнул лапой тело Керри и понял, что звук исходит снизу. Огромные челюсти сомкнулись на руке женщины, и зверь принялся отгаскивать тело, пока корзинка не оказалась на виду. Малышка не переставала плакать, и, привлеченные шумом, два других котрава приблизились к ребенку. Самый большой монстр обнюхал крохотное тельце и перевернул корзину лапой. Когда дочь вывалилась в грязь, Девлин сжал кулаки в бессильной ярости. Один из котравов начал подкидывать девочку, как мячик, остальные вступили в игру, забавляясь с ребенком, словно с мышью. Острые когти вонзались в нежную кожу, и испуганный плач младенца перешел в крик боли. Казалось, жуткие мучения ребенка доставляют монстрам удовольствие...

Постепенно крики стали ослабевать и прекратились совсем. Потеряв интерес к мертвому ребенку, вожак котравов направился к дому. Там никого не было. В сарае блеяли овцы и кудахтали куры, но котрав лишь презрительно фыркнул – такая легкая добыча не интересовала колдовское создание. Вожак вернулся к остальным чудовищам; потершись мордами друг о друга, все трое скрылись в лесу.

Девлин видел, как его двойник приблизился к растерзанному тельцу дочери, взял ее на руки, прижал к груди и расправил крохотные ручки и ножки ребенка, как будто это могло чем-то помочь. Девочка раскрыла глаза, и их взгляд обжег Девлину душу. «Почему?» – спросила дочь. Это было первое и последнее произнесенное ею слово. Девлин открыл рот, но не нашел ответа. Свет жизни померк в глазах ребенка, и он снова держал на руках мертвое тело.

* * *

Сон оборвался так же внезапно, как пришел, и Девлин проснулся. Он медленно разжал кулаки, чувствуя боль там, где ногти впились в ладони. По щекам текли слезы. Оплакивать тех, кого он потерял, Девлин мог только во сне.

И тут же на него навалилась тупая давящая пустота, как будто все краски жизни, все чувства ушли, и осталась одна бездушная оболочка. Горе Девлина терялось в этой пустоте, точно камушек, брошенный в бездонный колодец. Он не мог ничего изменить, не мог снова стать человеком, которым был до того дня. Ему никогда не избавиться от вины и кошмарных снов. Он должен был находиться рядом, должен был спасти свою семью – или погибнуть вместе с ней. Он не достоин жить дальше.

Отчаяние, его всегдашний спутник, нахлынуло гигантской волной. Так просто отдаться на растерзание демонам, грызущим его душу, и покончить с этой мукой!.. Но, как и раньше, Девлин сопротивлялся. Не сдавайся, твердил он себе, ты должен сдержать обещание.

Но ведь он уже исполнил свой долг, отправив в Дункейр девять золотых монет. Он сдержал обещание и позаботился о будущем жены и оставшихся детей Кормака, так что это не повод цепляться за жизнь. Тоненький голосок шептал Девлину, что честный человек не принял бы королевскую награду и покончил бы с собой, прежде чем смог выполнить клятву. Прежний Девлин никогда бы не поступил так низко, как теперешний. Но теперешний Девлин знал, что честь ничего не значит по сравнению с бесконечным страданием.

Девлин встал и подошел к столу, где вчера оставил свой кинжал. Кинжал был коротким и в основном служил ему столовым прибором, однако его лезвие всегда оставалось остро заточенным.

Забвение манило к себе... Он заглянул себе в душу и не нашел там ни одной причины, по которой ему стоило бы оставаться среди живых, зато множество оснований искупить свои грехи смертью. Пусть он не убил близких ему людей собственной рукой, но вина за их гибель лежит на его совести. Жена, дочь, брат, племянник – все они мертвы из-за того, что Девлин не выполнил свой долг. Агнета, невестка, была права, назвав его убийцей родных.

Девлин положил кинжал на стол и принялся медленно закатывать рукав рубашки. Он пережег себе вены и умрет быстро.

Девлин взял кинжал в правую руку и поднес его к левому запястью. Сжимая кинжал, провел лезвием по руке, но оно лишь скользнуло по коже, оставив вместо глубокой раны еле заметную царапину. Девлин не поверил своим глазам. Он стиснул рукоять кинжала еще крепче и снова попытался провести по руке. На этот раз лезвие вообще не двинулось с места. Девлин выругался и изо всех сил напряг мускулы, закаленные долгими годами работы в кузнице. На лбу у него выступили капли пота, но, несмотря на яростные старания, он не добился даже небольшого пореза.

Казалось, его правая рука действует сама по себе. Как только эта мысль пришла ему в голову, Девлин почувствовал, что напряжение спадает. Словно со стороны он смотрел, как правая рука отодвинулась от левой и швырнула кинжал через всю комнату, как кинжал ударился в стену, упал на пол, да так там и остался, потому что вопреки всем усилиям Девлин не сумел заставить себя поднять его.

Он встал, решив, что меч подойдет даже лучше. Однако не успел он подумать об этом, как левую ногу свело судорогой.

Дрожь пронзила Девлина, когда он понял, в чем дело. Заклятие уз – эти странные чары, наложенные на него во время церемонии посвящения. Говорили, что закливание уз не дает Избранному нарушить клятву верности королевству, и скорее всего закливание по-своему обращается с тем, кто решил убить себя, не успев начать службу.

Что ж, пусть будет так. Девлин мрачно сдвинул брови и носком башмака пнул кинжал. Заклятие не позволит свести счеты с жизнью, но оно не запретит ему погибнуть. Надо лишь найти врага, и желанная смерть настигнет Девлина.

IV

Когда первые утренние лучи осветили комнату, Девлин по-прежнему сидел на стуле. Отброшенный кинжал валялся на полу. В руках Девлин держал головку топора, снова и снова поворачивая ее, точно желая прочесть свою судьбу на куске закаленной стали. Увы, на полированной глади отражалось лишь его лицо. Девлину не нравилось то, что он видел. Глаза, которые смотрели на него, были глазами безумца, а в их глубине маячила тень страха.

События прошедшей ночи потрясли Девлина. Он избрал смерть, но его же собственные руки отказались повиноваться ему; его разума и силы воли не хватило, чтобы побороть действие странных чар, которые заставили его жить во имя исполнения клятвы. Девлина не пугало, что заклятье уз принудило его остаться в живых, но чего еще оно потребует от него? Он больше не хозяин своему телу, и в любой момент заклятие может снова проявить себя – сознание этого камнем легло на сердце Девлина. Под силу ли человеку жить с таким грузом? Неудивительно, что Избранные умирали так быстро. Должно быть, они искали смерти, понимая, что только гибель освободит их от страшных оков. Однако смерть вряд ли найдет Девлина в этой комнате; ему придется самому выйти ей навстречу.

Он поднялся со стула и подошел к шкафу. Слуги унесли вещи предшественников и уложили на полки изящно пошитые рубашки и штаны светло-серого оттенка – что-то вроде официального наряда. Приготовленным для него туалетам Девлин предпочел простую одежду, купленную на рынке.

Выйдя из комнаты, он почувствовал, что проголодался. Где же раздобыть еды? Нужно самому заботиться о своем пропитании, или предполагается, что он будет есть вместе с другими, в общей зале?

Спустившись по лестнице на нижний этаж, Девлин двинулся по главному коридору. Мимо него прошла женщина в таком же платье, какое он вчера видел на служанках.

– Хозяюшка, – окликнул ее Девлин. – Не подскажешь, где тут можно подкрепиться?

– Ты новенький, да?

Девлин кивнул.

– И наверняка из какой-нибудь глухомани, – покачала головой служанка с явным неодобрением. – До чего мы докатились, если во дворец приходится нанимать таких, как ты. Ладно, пока не поешь, от тебя все равно никакого толку. Иди по коридору до конца, там свернешь налево. Дойдешь до середины зала – справа будет столовая для прислуги. Сейчас уже поздно, но если поторопишься, тебе что-нибудь перепадет.

– Благодарю за твою доброту.

Столовую Девлин нашел быстро. Приблизившись к дверям, он услышал гул голосов и монотонное скрябанье металлических ложек о деревянные тарелки. Само по себе помещение было огромным, в нем легко могла поместиться целая городская гильдия. За грубыми деревянными столами сидели мужчины и женщины. Одни вели неторопливые разговоры, другие поглощали еду в бешеной спешке. Многие были одеты в платье дворцовой прислуги, кое-кто – в простую одежду дворовых работников.

На столе возле входа в горшках и кастрюлях была разложена разнообразная еда. Девлин наполнил миску чем-то похожим на яичницу, отрезал ломоть хлеба, налил кружку кавы и сел за пустой стол. Никто не обращал на него внимания, и он взялся за ложку.

За едой Девлин прислушивался к разговорам вокруг, но до него доносились лишь бессвязные обрывки. Какая-то Эмер получила нагоняй за то, что во время праздника уваливала от работы. Дворянин по имени Бозарт нынче был в опале – он выпил лишнего и сильно проигрался. О новом Избранном никто не упоминал.

Где-то зазвенел колокольчик. В центре зала раздался возглас: «Опоздали!» Несколько молодых слуг вскочили из-за столов и поспешно покинули столовую, старшие остались сидеть.

Девлин допивал вторую кружку кавы. Едоков в столовой заметно поубавилось. Две девушки начали убирать посуду. Внезапно в зале наступила тишина. Девлин поднял глаза и увидел в дверях капитана Драккен; через минуту капитан подседа за его стол. Те, кто еще оставался в зале, как по команде встали и ушли, точно вспомнили о неотложных делах. Даже молоденькие служанки, покосившись на начальницу королевской стражи, выскользнули из столовой, так и не закончив уборку.

– Они испугались вас, – сказал Девлин.

– Они испугались бы еще больше, если бы знали, что новый Избранный решил позавтракать вместе с ними.

Напоминание о том, что Избранного боятся и презирают, было излишним. Из вчерашнего разговора со Стивеном Девлин узнал все, что хотел.

– Служанка указала мне путь сюда, – объяснил он.

– А если бы ты надел форму Избранного, она показала бы тебе дорогу в Большой зал.

– Там кормят лучше?

– Нет, – ответила капитан Драккен. – Но Избранному положено обедать в Большом зале. Этого требует традиция и уважение к королю. Впрочем, я пришла поговорить не о традициях, а о мече, который ты сломал.

– Правда? – спросил Девлин, почувствовав неожиданный интерес.

Капитан наклонилась поближе к нему и понизила голос.

– Два года назад один кузнец выковал для нас двенадцать мечей. Три из них пропали вместе с Избранными, четвертый разбил ты. Оставшиеся восемь я отдала на проверку после церемонии. Пять из восьми оказались плохими.

Девлин долго молчал, обдумывая услышанное.

– Глупость какая-то. Почему испорчены не все мечи, а только часть? – высказал он наконец вслух свою мысль. – Могли пройти долгие месяцы или даже годы, прежде чем кто-то взял бы в руки один из фальшивых клинков. Зачем строить такой сложный план? Возможно, кузнец просто оказался неумехой? Тогда любой подмастерье должен был заметить дефект.

Капитан Драккен только развела руками.

– Согласна, это глупо. Кузнец, который выковал мечи, покинул город. Я послала за ним, но сомневаюсь, что его найдут.

– А насколько хорош тот кузнец, который осматривал клинки? Ему можно доверять?

– Мастер Тимо служит королевским оружейником уже двадцать лет; меч, который я отдала тебе, – его работа. Два года назад он сломал руку, поэтому сделать мечи для Избранных поручили другому.

У Девлина не было причин сомневаться в словах женщины, да и ее меч подтверждал мастерство Тимо. Однако Девлина не отпускало сомнение, что дело кроется не просто в пяти мечах, не годных к бою.

– Нужно переплавить и выковать заново все мечи. Если у кузнеца была сломана рука, то он, несомненно, отказывался и от других заказов. Пусть ваши стражники проверят каждый клинок, топор или кинжал. Расспросите всех, кто делал для них оружие, не важно, большой это был заказ или мелкий, и при малейшем подозрении, что работу выполнял изменник, отправляйте все на переплавку. – Голос Девлина окреп, как будто он отдавал распоряжения ученикам. Девлин и сам понимал, что слова, которые он произносит, по большей части принадлежат не ему, а Избранному, и не кузнец из Дункейра, а Избранный сейчас приказывает капитану королевской стражи.

Капитан Драккен смерила его взглядом, но Девлин спокойно выдержал ее взор.

– Ты и вправду считаешь, что в этом есть необходимость? Это огромная работа, не говоря уже о расходах казны...

– Так надо, – отрезал Девлин. – Даже если вы ничего не обнаружите, это успокоит солдат. Вы же не хотите, чтобы они пошли в бой, не зная, можно ли доверять собственному оружию.

На лице капитана Драккен появилась гримаса неудовольствия.

– Я сильно сомневаюсь, что в ближайшем будущем король поведет солдат в битву. Он держит нас поближе к себе и подальше от бед, которые так и сыплются на окраины королевства. Но все же я сделаю так, как ты говоришь.

Девлин кивнул и сказал:

– И если вы не возражаете, я бы хотел сам побеседовать с вашим кузнецом.

* * *

Кузница находилась в северной части дворцовых земель, сразу за внутренней стеной. Спустившись по узким ступенькам, Девлин вошел внутрь, и его немедленно обдало нестерпимым жаром. У дальней стены пылал кузнечный горн. Железо звенело о сталь – кузнец по всем правилам делал подкову. Он через плечо посмотрел на посетителя и вновь вернулся к своему занятию.

Оглядевшись, Девлин заметил, что в кузнице не одна, а целых четыре наковальни разных размеров. На двух верстаках были разложены всевозможные молоты, клещи, резцы, пробойники и прочие инструменты для работы по металлу. На козлах были свалены железные прутья, а на полках у входа красовались образцы предметов, которые изготавлил кузнец: ножи, скобы, стремена и подковы.

Будь само помещение не из дерева, а из камня, Девлин поверил бы, что он заглянул в кузницу своего хозяина в Альварене. Он вспомнил, как когда-то мечтал о собственной кузнице, и его захлестнула внезапная тоска.

Удары молота участились. Заканчивая работу, кузнец поместил подкову на ровную поверхность и, отложив щипцы, взял в левую руку пробойник. Семь быстрых ударов оставили в подкове семь ровных отверстий под гвозди. Затем кузнец убрал молот и пробойник на полку с инструментами и, зажав подкову клещами, опустил ее в корыто с водой. Когда шипение прекратилось, он вытащил изделие и повертел на ладони, внимательно рассматривая. Удовлетворенно кивнув, кинул готовую подкову на верстак в кучу к остальным и только после этого обратил внимание на Девлина.

– Добрый день.

– Ты – мастер Тимо?

Кузнец кивнул.

– Капитан Драккен отзывалась о тебе с уважением, – сказал Девлин. – Мне нужно кое-что сделать, и я хорошо заплачу тебе, если ты разрешишь мне воспользоваться твоей кузницей и твоими инструментами.

– Тебе нужна кузница, но ты хочешь сделать работу сам?

– Да.

– Не пойдет. – Мастер Тимо решительно покачал головой. – За все золото королевства я не соглашусь стоять рядом, в то время как болван, возомнивший себя кузнецом, будет гробить мои инструменты.

Девлин понимал причину отказа. На месте кузнеца он поступил бы точно так же, и внутренний голос настойчиво подсказывал ему, что хозяина кузницы не уговорить. Девлин мог воспользоваться властью Избранного и просто приказать кузнецу повиноваться ему, но, отмахнувшись от внутреннего голоса, решил попробовать еще раз.

– Семь лет я отработал в кузнице учеником и еще три года – подмастерьем. Я понимаю ваше недоверие, и если бы моя нужда не была столь велика, я бы не стал вас беспокоить.

– Покажи мне свои руки.

Девлин закинул мешок на плечо и прислонил деревяшку, которую принес с собой, к двери, потом вытянул руки и повернул ладони так, чтобы кузнец мог видеть с обеих сторон бледные шрамы. Даже самый аккуратный кузнец всегда имел такие шрамы – такова плата за работу с горячим металлом, и за годы работы в кузнице Девлин получил все, что ему причиталось.

– С тех пор, как ты в последний раз держал молот, прошло немало времени, – проворчал мастер Тимо, – однако я узнаю руки кузнеца. Я не дам тебе свои инструменты, но раз у нас с тобой одно ремесло, скажи, что тебе нужно, и я сделаю это для тебя даром.

На секунду Девлин заколебался, борясь с искушением. Работа была нетрудной – всего-навсего насадить головку топора на новое топорщице, и с ней справился бы любой сносный кузнец. Необычным был сам топор. Глубоко в душе Девлин ощущал, что оружие проклято, поэтому он не имел права подвергать риску другого человека, ведь тогда проклятие коснется и его.

– Спасибо за твою доброту, но я вынужден отказаться. Некоторые вещи нужно делать только самому. Если ты не передумаешь, я пойду поищу другую кузницу.

В таком большом городе наверняка найдется хотя бы один кузнец, который смотрит на все проще и охотно одолжит свои инструменты незнакомцу. Девлин взял деревяшку и собрался уходить.

– Погоди.

Девлин обернулся. Мастер Тимо смотрел на него, слегка нахмутив брови.

– Пока ты здесь, я хочу, чтобы ты кое на что взглянул.

С этими словами кузнец подошел к верстаку в дальнем углу кузницы и жестом подозвал Девлина. На верстаке лежал медный наплечный браслет, любимый талисман солдат, который, как они верили, приносит удачу. Глубокая трещина расколола браслет почти надвое.

– Хозяин пообещал мне заплатить вдвое больше, чем стоит браслет, если я починю его. Я работаю со сталью, а не с медью, поэтому не возьмусь за это дело, но если ты сможешь убрать трещину, я подумаю насчет твоей просьбы.

Девлин взял браслет и повертел в руках.

– Работа старых мастеров...

На изящном браслете с удивительной тонкостью была изображена сцена в лесу. Трещина рассекала центральную фигуру оленя, склонившегося над ручьем. По краям, обрамляя рисунок, вился узор из трилистника, выполненный в старинном стиле. Девлин прикинул, что браслет выкован скорее всего в Дункейре. В бедном железом Кейре кузнецы довели искусство обработки меди до очень высокого уровня. Девлин и сам сделал несколько похожих браслетов, прежде чем бросил свое ремесло и поселился вместе с братом на Новых Землях.

– Будь у меня мои инструменты и горная медь приличного качества... – вслух размышлял Девлин. – Нет, все равно я только вконец испортил бы вещь. – Он с сожалением вернул браслет кузнецу.

Тот одобритительно кивнул.

– Так я и думал. Хороший мастер всегда знает, когда работа ему не по силам, а честный человек еще и открыто об этом скажет. Сегодня я отпустил своего ученика. Можешь воспользоваться его верстаком и инструментами. Делай все что угодно, раз тебе так надо.

Девлин уже не надеялся, что кузнец передумает, поэтому удивился неожиданной уступке.

– Спасибо, – поблагодарил он мастера Тимо.

Кузнец показал Девлину место, где тот мог заняться работой, и вернулся к своим делам.

Девлин опустил мешок на пол, достал из него головку топора и поместил ее на верстак, а рядом положил деревяшку. Это был кусок древесины черного дуба с холмов Дункейра. Дерево перенесло долгое путешествие гораздо лучше, чем Девлин. Теперь он сделает из него новое топориче.

Сначала Девлин подогнал длину, затем с помощью долота и шила выдолбил пазы под заклепки. Он нагрел на огне брусок меди размером с ладонь, перенес его на наковальню и придавал ему форму цилиндра. Расколов цилиндр пополам, Девлин изготовил заклепки. Пока они не остыли, сравнил их размеры с пазами и, к своему удовлетворению, убедился, что они подходят точь-в-точь.

Теперь предстояло самое сложное. Если допустить ошибку, топориче треснет; придется искать другой кусок дерева и начинать все заново. Девлин аккуратно зажал толстый конец деревяшки в тиски и прочно закрепил его. Зажав головку топора клещами, он поместил ее в огонь, так чтобы пламя не касалось лезвия – сильный жар испортит закалку лезвия. После того как отверстие в обухе раскалилось докрасна, Девлин вытащил его из огня, потом совместил головку топора с верхней частью топорича. Головка скользнула вниз примерно на два пальца. Крепко стиснув топориче клещами, Девлин взял в правую руку молот и начал осторожно стучать по головке, медленно, почти незаметно глазу, насаживая ее на топориче. Когда оказалась верхняя часть топорича, он разжал тиски, но продолжал стучать, добиваясь совмещения, пока отверстия в головке топора не встали точно напротив пазов, проделанных в топориче. Девлин вынул топор из тисков и расположил его так, что головка выдавалась над наковальней. Кинул медные заклепки в железную чашу и поставил ее на огонь. Вскоре заклепки ярко засветились. Вооружившись клещами поменьше, Девлин вытащил чашку из огня, зажал ими первую заклепку и одним ударом вогнал ее в паз. То же самое он проделал со второй заклепкой. Длина заклепок чуть превышала ширину обуха, и короткими быстрыми ударами с обеих сторон Девлин расплющил их, закрепляя соединение. К тому времени, как он закончил, металл уже остыл и больше не светился.

Девлин повертел топор в руках. Заклепки встали почти идеально, хотя на всякий случай топор нужно будет испытать. В прошлый раз Девлина подвела не головка топора и не заклепки, а само топориче.

И все же он справился. Девлин взвесил топор, стараясь видеть в нем только оружие, когда-то разбитое, а сейчас восстановленное. Но он не мог отрешиться от мыслей, ведь топор был прочно связан с его жизнью. Глядя на него, Девлин невольно вспомнил, какую гордость испытал, когда выковал головку, а потом насадил ее на топориче. Увы, эта гордость была омрачена памятью обо всем, что случилось после, и о тех, кого он навсегда утратил.

Девлин долго смотрел на топор, борясь с желанием швырнуть его в огонь и увидеть, как тот расплавится и навсегда исчезнет из его жизни.

– Необычная форма, – заметил подошедший мастер Тимо.

– Когда-то я собирался рубить им деревья, – задумчиво произнес Девлин и, чувствуя, что нужно продолжить разговор, добавил: – У твоего ученика хорошие инструменты.

Каждый кузнец, начиная работать учеником, сам изготавливал для себя инструменты. Качество инструментов, которыми только что пользовался Девлин, как минимум соответствовало уровню опытного подмастерья.

– Еще бы, – просиял мастер Тимо, – ведь он мой сын. Когда-нибудь он станет мастером.

Девлин понимал, что пора уходить, но медлил. Несмотря на непривычное деревянное помещение, это была настоящая кузница и единственное место, которое напоминало Девлину о доме.

Он обвел взглядом полки с наваленными на них брусками железа и стали.

– Мне еще нужны стрелы для арбалета. Я сделаю их сам, если ты позволишь мне заплатить за сталь.

Девлин лукавил: в его мешке лежало с полдюжины стрел. Кроме того, Избранному стоило сказать лишь слово, и он немедленно получил бы требуемое. Девлину были нужны не стрелы, он просто хотел вспомнить, что когда-то представлял собой нечто большее, чем сейчас.

– Сколько тебе надо?

– Дюжины хватит. Из стали, а не из железа, если тебе не жалко.

– Все наше оружие сделано только из стали, – твердо сказал мастер Тимо. – Железо я оставляю на подковы и прочую ерунду. Сделай дюжину для себя, четыре дюжины для меня, и назовем это честной сделкой.

– Согласен.

Девлин взял с полки два бруска стали и кинул их в огонь. Пока металл нагревался, он подошел к полке у двери и рассмотрел лежавшие там стрелы. По форме они не отличались от тех, с которыми привык иметь дело Девлин, хотя были почти на целую ладонь длиннее. Он забрал одну стрелу для образца и вернулся к верстаку.

Сталь раскалилась докрасна. Девлин раздувал мехи, пока пламя в горне не загудело. Когда стальной брусок побелел, он вынул его из огня и приступил к работе. Мускулы вспомнили привычные движения, и его рука размахнулась, входя в заученный ритм. Девлин погрузился в работу.

Он так отвык от прежнего ремесла, что вскоре у него заныла спина. Мышцы жгло все сильнее, однако Девлин не обращал внимания ни на боль, ни на градом стекающий пот. Он остановился лишь на минуту, чтобы скинуть рубашку. При каждом ударе молота во все стороны разлетались искры, и металл звенел так сладко, что, только вновь услышав эту песню, Девлин понял, как тосковал по ней. С тех пор, как он в последний раз выполнял такую простую работу, прошли годы, но его движения остались быстрыми и уверенными. Первую дюжину стрел он сделал в качестве разминки, для себя, а потом занялся теми, которые пообещал мастеру Тимо.

* * *

Капитан Драккен вошла в кузницу, жмурясь от перехода с яркого солнечного света к сумраку внутри помещения, и сразу заметила мастера Тимо. Тот держал в руках кинжал и точильный камень, но было ясно, что все его внимание устремлено на ученика, работавшего в углу. Кузнец кивнул женщине и указал ей на человека за верстаком.

Когда глаза капитана привыкли к темноте, она поняла, что парень в углу выше ростом и более мускулистый, чем сын мастера Тимо. Присмотревшись, она разглядела нечто такое, что заставило ее снова заморгать.

Ужасные белые шрамы спускались по спине незнакомца. Когда он взмахнул молотом, она увидела, что шрамы протянулись через его левый бок и грудь. Капитан Драккен даже не представляла, что за зверь мог оставить такие следы, но, судя по всему, он был крупнее любого из известных ей существ.

До того как король издал указ, в котором обязанности королевской стражи сводились к патрулированию городских улиц, капитан Драккен вдоволь насмотрелась на смертельные раны, однако ни разу в жизни она не встречала человека, который выжил бы после ранения и вполтину не такого страшного, как это. Капитан могла поклясться всеми Семью Богами – этот человек должен быть двадцать раз мертв.

Она открыла рот, чтобы спросить мастера Тимо, он нашел такого изуродованного помощника, но ТУТ человек обернулся, и она увидела лицо Избранного. Изумление капитана Драккен сменилось злостью на саму себя. Только вчера Девлин Стоунхенд упоминал, что работал кузнецом. И как она сразу его не узнала?

Однако человек, стоявший перед ней, отличался от того, с которым она разговаривала во дворце вчера утром. Этот выглядел намного увереннее и уж точно намного опаснее.

– Капитан Драккен, – приветствовал ее он, слегка наклонив голову, словно король, принимающий просителя.

– Избранный, – отозвалась капитан и отсалютовала по всем правилам – впервые после церемонии посвящения.

Она не отрывала глаз от шрамов на груди Девлина, которые спускались параллельными дорожками и напоминали следы когтей. Капитан Драккен искренне пожелала себе никогда не встретиться с чудовищем, способным оставлять подобные отметины. А Девлин, как видно, не избежал этой встречи – и все-таки сумел выжить. Причем начальница королевской стражи могла поспорить на свое капитанское звание, что шрамы оставлены меньше года назад.

Взгляд женщины привел Избранного в замешательство. Он потянулся за рубашкой, небрежно брошенной на верстак, и быстро надел ее. Капитан сторала от желания спросить у него, откуда взялись шрамы, но внутренним чутьем поняла, что Девлин не ответит.

– Стрелы готовы. Можешь сам проверить, когда последняя дюжина остынет, – обратился Девлин к мастеру Тимо.

Кузнец молча кивнул.

– Вы хотели меня видеть? – спросил Девлин у капитана.

Она покачала головой:

– Нет, я пришла к мастеру Тимо насчет того, о чем мы говорили с тобой сегодня утром.

– Тогда я оставлю вас. Мастер, еще раз благодарю за разрешение поработать в твоей кузнице и за инструменты твоего сына.

Мастер Тимо отвернулся, избегая смотреть Девлину в глаза.

– Избранному стоит лишь приказать, и он получит все необходимое.

Девлин с окаменевшим лицом сгреб с верстака пригоршню арбалетных стрел и забрал топор, головка которого была завернута в полотно.

– Позволь мне хотя бы заплатить за металл, – попросил он, опустив руку в кошелек на поясе.

– Мне не нужны твои деньги.

Девлин протянул кузнецу серебряную монету, но тот не взял ее. Глухо выругавшись, Девлин швырнул монету в дальний угол кузницы.

– Скажешь сыну, это плата за инструменты, – процедил он и, не оглядываясь, покинул кузницу.

Грубость мастера Тимо удивила капитана Драккен, как, впрочем, и неожиданная резкость Девлина.

– Значит, это и есть новый Избранный. Признаюсь, такого я не ожидал.

– Я тоже.

Девлин Стоунхенд не переставал поражать ее. Даже после церемонии она считала, что за то короткое время, которое отпущено Избранному перед смертью, он, как и все прочие, принесет Джорску больше вреда, чем пользы. Сейчас капитану Драккен пришлось изменить свое мнение. Человека с такими ужасными шрамами голыми руками не возьмешь, и она сможет использовать его силу на благо королевства.

Капитан Драккен объяснила мастеру Тимо, что кузнец-изменник мог наделать других бед, и поручила ему найти и заменить все оружие, которого касалась рука предателя.

– На проверку уйдут недели, если не месяцы. А стоять это будет больше, чем казна отпускает на изготовление оружия за целый год.

– Не бери в голову. Если распорядитель станет выражать недовольство, я скажу ему, что это делается по приказу Избранного.

При упоминании Избранного кузнец скривился.

– Он тебе не понравился? Но ты пустил его в свою кузницу...

– Тогда я еще не знал, кто он.

– А что ты думаешь теперь?

– Вчера, когда ты сказала мне, что какой-то человек определил фальшивый меч просто по звуку металла, я подумал, это обман. Сегодня я сам видел его за работой и не могу не признать, что он – искусный кузнец. Может быть, там, откуда он пришел, у него даже есть собственная кузница, – проворчал мастер Тимо.

– И что из того? – Капитан не могла взять в толк, почему королевского оружейника рассердило, что Девлин – хороший кузнец.

– А зачем ему идти в Избранные, имея такие руки? Любой кузнец в городе охотно взял бы его к себе в подмастерья, а со временем, возможно, и в компаньоны. – Тимо недоверчиво покачал головой. – Не нравится мне все это. Глупо зарывать талант в землю, вот что я думаю.

Капитан Драккен тоже не понимала, в чем дело. Поначалу она приняла Девлина за разорившегося фермера, который решил попытать счастья, подавшись в Избранные. Но по словам мастера Тимо получалось, что Девлин запросто мог найти работу кузнеца, а значит, пойти на риск его заставила отнюдь не бедность. Капитан гордилась своим умением разбираться в людях, но Девлин Стоунхенд изумлял ее. Может быть, ей не стоит гадать, кто он и что, а нужно просто воспользоваться орудием, которое в лице Девлина послали ей Боги. Она даст ему задание и посмотрит, что из этого выйдет.

V

На закате Девлин вернулся в замок, неся под мышкой топор и арбалетные стрелы. Воспоминание о презрении, с которым смотрел на него хозяин кузницы, больно жгло душу. Раньше любая кузница всегда была для него спасительным убежищем, единственным местом, где он чувствовал себя человеком. Теперь он лишился и этого. Мастер Тимо ясно дал понять, что носящий звание Избранного – нежеланный гость.

Девлин свернул в коридор, ведущий к его покоям, и внезапно почувствовал сильный голод. Он вспомнил, что с самого утра ничего не ел. Увидев у двери своей комнаты служанку в форменном платье, он понял, что на тихий обед в одиночестве можно не рассчитывать. Когда Девлин приблизился к двери, женщина сделала реверанс.

– Милорд Избранный, главный распорядитель шлет вам поклон и любезно просит вас отужинать в Большом зале вместе с другими придворными.

Девлин с недоверием покосился на служанку. Вряд ли заносчивый распорядитель хоть раз в жизни «любезно просил» о чем-нибудь. Конечно, это лишь вежливый оборот речи.

– Я польщен оказанной мне честью, – осторожно сказал Девлин, – но предпочту более скромную трапезу.

Служанка затрясла головой.

– Милорд, вы не можете отказаться, это невежливо. Весь королевский двор раз в неделю собирается на ужин, таков обычай.

«Невежливо», «обычай» – эти слова связывали Девлина не хуже заклатья уз. Соблюдение правил гостеприимства всегда было для него столь же естественно и неизменно, как цвет волос или тембр голоса. Он не мог отказать в этой просьбе.

– Похоже, у меня нет выбора.

Служанка облегченно улыбнулась, и Девлин вдруг подумал, что бы с ней сделали, если бы он отказался прийти. Женщина вытянула руку, открыла дверь в комнату и, поклонившись, пригласила его войти.

– Я приготовила ваши одежды и помогу вам облачиться.

– Нет! – испуганно воскликнул Девлин и добавил уже мягче: – Не нужно, я оденусь сам.

Он плотно затворил дверь и, кинув быстрый взгляд на кровать, увидел, что служанка приготовила его официальный наряд. Первым делом Девлин поставил топор в шкаф, прислонив его к дальней стенке, затем развязал свой мешок и высыпал арбалетные стрелы в один из кармашков. Он разделся и сложил старую рубашку и штаны в аккуратную стопку, потом с сомнением поглядел на непривычные одеяния. Серая шелковая сорочка легко скользнула через голову, и с застежками удалось справиться довольно легко, хотя они находились не спереди, а почему-то на плече. После этого Девлин надел серые штаны, которые были сшиты из кожи, выдубленной до невероятной мягкости. Штаны оказались немного великоваты, но пояс из серебряных звеньев исправил этот недостаток. Короткие серые сапоги, однако, никуда не годились. Широкая нога Девлина не влезала в узкие остроносые полусапожки. После двух безуспешных попыток он с отвращением отбросил их в сторону. Придется идти в старых башмаках, как бы ужасно они ни выглядели. К счастью, Девлин мог прикрыть верх башмаков достаточно свободными штанинами.

Он посмотрел на свое отражение в зеркале возле шкафа. Ну просто шут гороховый. Может, для лорда наряд и подходит, но вот обветренное лицо и разбитые башмаки выдают в нем простолюдина.

В дверь постучали.

– Милорд? Нужно поспешить, иначе вы опоздаете, – послышался голос.

– Я готов, – отозвался Девлин.

Служанка проводила его по коридорам дворца. Он узнал холл, который видел утром; вместо того чтобы свернуть направо, на половину челяди, его провожатая двинулась прямо. Наконец они свернули за угол, и, не успев опомниться, Девлин уже вошел в огромный зал. В дальнем конце зала на возвышении стоял длинный стол, обращенный к гостям. Внизу размещались остальные столы, выстроенные в десять линий под прямым углом к возвышению. Зал освещался люстрами, подвешенными к высокому потолку. Стены украшали яркие флаги, на столах блестела серебряная утварь. В зале могло одновременно обедать больше сотни людей... Впрочем, оглядевшись, Девлин понял, что недооценил величину помещения. Пожалуй, за столы можно усадить и четыре сотни гостей, не считая бесчисленной прислуги.

Спутница Девлина не позволила ему медлить.

– Идемте же, – сказала она и потянула его за рукав, видя, что он застыл в нерешительности. – Распорядитель велел мне привести вас в комнату для сбора гостей, где вы присоединитесь к остальным.

Комната для сбора гостей оказалась скромным помещением слева от Большого зала. Завидев Девлина, стражник у входа вытянулся по стойке «смирно» стукнул в дверь один раз и отворил ее. Девлин вошел внутрь и, оглянувшись, обнаружил, что служанка исчезла.

В комнате находились около дюжины гостей. Разбившись на группы, они о чем-то беседовали. При появлении Девлина несколько человек повернули головы в его сторону, но, небрежно скользнув по нему взглядом, снова занялись разговорами.

– Наконец-то! Вы что, не знаете, который час? Его величество вот-вот прибедет, – недовольным тоном обратился к Девлину королевский распорядитель, отделившийся от группы беседующих. Он посмотрел на Девлина, оценивая его с головы до ног, и, задержав взгляд на разбитых башмаках Избранного, поджал губы.

– Хотя могло быть и хуже... – пробормотал распорядитель, качая головой. – Пойдемте, нужно выполнять свои обязанности.

Он подвел Девлина к небольшой кучке придворных, которые образовали полукруг, устремив все внимание на стоявшего в центре мужчину, чей наряд сверкал ослепительной белизной. Мужчина рассказывал какую-то историю; кто-то из слушателей вежливо улыбался, кто-то потягивал из высоких бокалов светлое вино. Не отпуская от себя Девлина, распорядитель дождался, пока вельможа закончит рассказ и умолкнет смех гостей. Увидев главного распорядителя, мужчина в белом вопросительно поднял брови.

– Ваша светлость, – обратился к нему распорядитель с легким поклоном, – долг велит мне представить вам Девлина Стоунхенда из Дункейра, нового Избранного. Избранный, перед вами герцог Джерард, Первый рыцарь его величества и генерал королевской армии.

Герцог мельком взглянул на Девлина.

– Приветствую вас, Избранный. Добро пожаловать на королевскую службу.

Несмотря на любезные слова, в глазах герцога не было и намека на радушие.

Девлин решил, что этот человек не заслуживает положенного приветствия, поэтому использовал фразу, которую привык произносить в пути.

– Это честь для меня, – сказал он и отвесил короткий поклон по обычаю Джорска.

Герцог Джерард ответил на его поклон едва заметным кивком и отошел.

С видом человека, выполняющего неприятную обязанность, распорядитель представил Девлина остальным присутствующим. На каждое приветствие Девлин отвечал со сдержанной учтивостью, после чего имена придворных немедленно вылетали из его головы. Все разодетые аристократы казались ему на одно лицо.

Даже встреча с королем вызвала у Девлина разочарование. Изысканные одежды не скрывали, что правитель Джорска перешагнул порог молодости. У него были редкие волосы и уже наметившееся брюшко. Король производил впечатление беспокойного и снедаемого тревогами человека. Девлина он приветствовал всего лишь взмахом руки, униженной кольцами.

Возможно, взмах служил не более чем сигналом, потому что в следующую минуту распорядитель властно кивнул, и два королевских стражника распахнули двойные двери. Король в сопровождении свиты прошествовал в Большой зал.

Подошедший слуга отвесил поклон.

– Милорд Избранный, я провожу вас к вашему месту.

Как и прочие, он старательно избегал смотреть в глаза Девлину.

Король и его приближенные заняли стол на возвышении, Девлина же слуга подвел к столу в дальнем правом углу зала. Усевшись, Девлин принял из рук слуги бокал и, неторопливо потягивая вино, принялся рассматривать придворных, постепенно заполнявших зал. Накрыта была лишь половина столов, и, глядя на незанятые места, Девлин вдруг понял причину. То ли двор в последнее время сильно уменьшился, то ли многие аристократы оставались в своих владениях, предпочитая, чтобы в столице о них забыли.

Двое вельмож в великолепных камзолах подошли к столу Девлина, остановились как вкопанные, пошептались и сели на дальнем конце. Вскоре к ним присоединились немолодая дама в простом темном платье и юноша в мундире цвета летнего неба.

– Лейтенант Олафсон, адъютант герцога Джерарда, – представился юноша, усаживаясь слева от Девлина. Он единственный из всех открыто признал общество Избранного.

– Да, лейтенант, – холодно кивнул Девлин.

Как и все его соотечественники, он не любил солдат. Даже после пятидесяти лет в составе Джорской империи жители Дункейра так и не приняли новую власть. Солдаты королевской армии, отправленной в Дункейр, прекрасно знали, что их прислали сюда не столько для охраны границ, сколько для того, чтобы держать под контролем местное население.

Кроме лейтенанта Олафсона, сидящие за столом игнорировали Девлина, как будто не замечая его. Девлин понял, что своим присутствием смущает их, как на его месте смущал бы их любой, кому вынесен смертный приговор. Для них он уже мертв.

Грубость придворных показалась ему нелепой, но такая мелочь не могла его ранить. Те, чье мнение что-то значило для Девлина, находились за сотни лиг отсюда, и он слишком хорошо знал, что они о нем думают.

В самом деле, чудно здесь обходятся с Избранным. Девлина-чужестранца в Джорске встретили холодно, однако в качестве Избранного ему оказали просто ледяной прием. Эти странные люди наградили его титулом лорда, а теперь обращаются без всякого уважения. Показная вежливость скрывает под собой одно лишь презрение.

Слуги суетились, разнося первое блюдо – речную рыбу с овощным гарниром. За ней последовали ракушки из теста, фаршированные мясом не то куропатки, не то другой птицы – Девлин так и не понял. Он съел, сколько мог, но не оценил изысканную пищу, хотя соседи по столу в полной мере отдали должное искусству повара. Молодой лейтенант поглощал каждое блюдо с такой жадностью, словно ужинал в последний раз.

За едой Девлину удалось поймать обрывки разговоров.

– Настоящий дикарь...

– А чего вы ожидали? В наше время...

– Я слышал, мастер Дренг ставит семь к одному, что...

Похоже, среди придворных уже заключаются пари на то, сколько он продержится. Стало быть, проигрыш не излечил мага от глупости. Интересно, на что ставит Дренг – на то, что Избранный выживет, или на его скорую смерть?

Ужин прошел спокойно. Девлин наелся досыта, после чего отказался от предлагаемых блюд. Слуги подали кубки с легким белым и крепким красным вином, но Девлин ограничился двумя бокалами. Он больше не хотел провести ночь с отяжелевшей от вина головой. Его взгляд упал на люстры, на длинных цепях подвешенные к высокому потолку. По виду металл, из которого были сделаны цепи, напоминал серебро, но такую тяжесть могло выдержать только

железо или сталь. Хотя, возможно, цепи просто посеребрили. Девлин решил, что как-нибудь при случае рассмотрит их поближе.

Он снова начал разглядывать придворных. Сборище казалось ему странным. Поначалу он думал, что это с непривычки – он никогда не видел столько роскошно одетых людей, – однако потом понял: в зале нет детей. В Дункейре такое было бы просто невозможно. Даже в самых торжественных случаях дома оставляли только грудных младенцев, а все дети, отметившие свои первые именины, обязательно приглашались в гости вместе с родителями. Здесь же Девлин видел только подростков-пажей, которые прислуживали за королевским столом. Он покачал головой, спрашивая себя, какие еще нелепые обычаи распространены в Джорске.

Наконец король встал из-за стола. Придворные тоже поднялись со своих мест и стояли до тех пор, пока король не покинул зал. После этого большинство возобновили трапезу. Девлин использовал удобную возможность, чтобы улизнуть.

Уже совсем стемнело. Девлин не спал почти двое суток, но не испытывал желания вернуться к себе в комнату, напоминавшую ему о глупой попытке самоубийства прошлой ночью. Без всякой цели он принялся бродить по дворцу.

* * *

Когда капитан Драккен нашла его, была почти полночь. Девлин вышел к зубчатой стене с бойницами и, стоя на краю парапета, рассматривал город внизу. В первую минуту Драккен удивилась, что здесь делает в такой час рыцарь его величества, и только потом, узнав темные волосы Девлина, догадалась, что видит Избранного.

В эту ночь капитан несла дежурство, поэтому пропустила ужин в кругу придворных. Глядя на одежду Избранного, она поняла, что ему не удалось отвертеться от приглашения. Было бы весьма любопытно узнать его впечатление – не каждый день крестьянина приглашают на трапезу в обществе короля.

Подойдя к Девлину, капитан вдруг увидела, как близко он стоит от опасного края. Одной ногой он опирался на зубец стены, а носок башмака выступал над парапетом.

– Отсюда до земли далековато, – негромко сказала капитан, не желая испугать Девлина.

– Не бойтесь, не прыгну. Меня удержит заклятие уз.

Горькая усмешка Девлина удивила ее. Она всего лишь имела в виду неосторожный шаг, а не обдуманый прыжок. Если бы она застала в такой опасной позе кого-нибудь из стражников, то преподала бы тому хороший урок. Но Девлин Стоунхенд не был ее подчиненным, поэтому капитан Драккен спокойно стояла, ничего не говоря.

Девлин спустился с парапета и посмотрел на нее.

– Зачем вы меня искали?

Факелы, расставленные через каждые десять шагов, освещали зубчатую стену, бросая неровный отблеск, который мешал женщине рассмотреть выражение лица Избранного. Капитан Драккен заколебалась. Кто такой Девлин Стоунхенд? Один из многих неудачников, который, если повезет, погибнет в одиночку, не забрав с собой на тот свет невинных людей? Или же в нем скрыто нечто большее?

Капитан потеряла подбородок, как часто делала, задумавшись. Есть только один способ испытать храбрость этого человека – проверить его в деле.

Капитан встала по стойке «смирно» и отсалютовала Девлину, ударив себя кулаком правой руки по левому плечу.

– Избранный, для тебя есть задание.

Девлин кивнул.

– В столицу приходят донесения о шайке разбойников, промышленяющих в Аставардском лесу. Они подстерегают путников на старом Королевском тракте.

– А почему с ними не справятся местные стражи порядка?

– Аставард относится к исконным королевским землям. Эти обширные охотничьи угодья в нынешние смутные времена заброшены. Король больше не выезжает на охоту, поэтому в Кингсхольме посчитали, что дорога утратила важность. Советники решили, что нет нужды посылать кого-нибудь разбираться с этим делом, но в последние месяцы число жертв стало увеличиваться.

Капитан Драккен говорила, стараясь скрыть тревогу и горечь. Болваны! Сколько людей должно погибнуть, чтобы советники наконец раскрыли глаза? Дороги – артерии государства. Без хороших дорог собранные налоги не попадут в казну, а народ в провинциях не узнает о королевских указах. Жизнь купцов и важных сановников тоже зависит от безопасности трактов. Во время войны армии не обойтись без добрых дорог. Ни в коем случае нельзя терять над ними контроль, а капитан Драккен никак не может убедить Совет предпринять хоть какие-то действия! Когда стало ясно, что герцог Джерард не желает поручать расследование солдатам королевской армии, капитан обратилась к Совету за разрешением послать в Аставард отряд своих гвардейцев якобы для осмотра королевского охотничьего домика, охрана которого входила в обязанности стражи. Она назвала это учебным выездом, но все равно получила отказ. До сих пор у разбойников хватало ума не трогать знатных дворян или королевских гонцов, однако скорее всего это лишь вопрос времени. Тогда, и только тогда, Совет будет вынужден прислушаться к ее словам.

– Понятно, – сказал Девлин после долгого молчания. – Королевских солдат нельзя отвлекать на борьбу с грабителями, поэтому вы посылаете меня. Скажите, а есть сообщения о размерах шайки? Это полдюжины недоумков или хорошо организованная банда?

Капитан пожала плечами:

– Трудно сказать. Крупные отряды проезжают через Аставард беспрепятственно, так что, я думаю, это небольшая группа, во всяком случае, очень осторожная. Нападения начались по меньшей мере год назад, а может, и раньше, но лагерь разбойников или тела жертв пока не обнаружены.

Это и беспокоило капитана Драккен больше всего – тщательность, с которой преступники заматали следы, указывала на действия организованной банды.

– Имей в виду, если разбойников много, ты вовсе не обязан разбираться с ними в одиночку. Твоя задача – остаться в живых и рассказать об увиденном королю. Тогда мне удастся уговорить его отправить в Аставард военный отряд.

Бесполезная затея – посылать Избранного, но ей нечего терять. В лучшем случае Девлин привезет доказательства, с помощью которых она сможет убедить короля Олафура в том, что угроза вполне реальна. В худшем случае Девлин погибнет. Жаль, конечно, зато, вне всяких сомнений, этого будет достаточно, чтобы король и Совет поняли, какую серьезную опасность представляют бандиты.

Капитан ни на секунду не допускала, что Девлин справится с преступниками. Только в песнях герой-одиночка всегда побеждает в неравном бою и с триумфом возвращается домой.

Девлин подошел на шаг ближе – теперь пламя факела полностью освещало его лицо.

– Я возьмусь за это задание, – бесстрастно проговорил он. Даже его взгляд оставался странно безучастным, будто Девлин смотрел не на капитана, а сквозь нее.

– Я рада, – ответила она, ощутив, как жалость сдавила ей грудь. Она знала, что у Девлина нет иного выбора, кроме как выполнить ее приказание. Охваченная внезапным предчувствием, что посылает Избранного на верную смерть, капитан боролась с желанием отменить собственный приказ, но сумела взять себя в руки. Она – капитан королевской стражи. Отправлять мужчин и женщин на смерть – такая же часть ее работы, как и защита жителей Кингсхольма. А кто такой этот человек? Он не принадлежит ни к ее гвардейцам, ни к тем, кого она поклялась защищать. Он по своей воле сделался орудием Богов, и только глупец отказался бы использо-

вать его, пока он жив. – Мои ребята помогут тебе со снаряжением, а главный распорядитель выдаст все остальное, что может понадобиться. Только скажи.

– Спасибо, – отозвался Девлин. – С вашего позволения, я пойду. Спокойной ночи.

* * *

Поговорив с капитаном Драккен, Девлин вернулся к себе. Он поспал всего несколько часов и проснулся еще до рассвета. К счастью, в эту ночь кошмары не мучили его, и уже одно это принесло ему облегчение.

Он ушел еще утром. Когда он проходил через дворцовые ворота, охранявшие их стражники встали по стойке «смирно» и отдали честь. И все же вслед ему не трубили фанфары, не слышалось пожеланий удачи и дружеских напутствий...

К полудню Девлин вышел через Западные ворота, оставив за спиной Кингсхольм, и испытал настоящую радость от того, что снова оказался в пути – не важно, какова цель путешествия. Сапожник вовремя выполнил заказ, и новые сапоги подошли Девлину даже лучше, чем он ожидал, хотя, как и любую новую обувь, их нужно было разносить, поэтому в первый день Девлин запланировал пройти немного. Лучше сделать привал на закате, а не продолжать путь ночью, как он привык. Девлин хотел подальше уйти от столицы, от высоких домов, обступавших его со всех сторон. Он предпочитал видеть вокруг себя открытую местность, а не бесконечное нагромождение дерева и камня.

Заклятие уз настойчиво тянуло Девлина на запад, на выполнение задания, но тяжесть уз была лишь слабым отзвуком той жгучей потребности, которая привела его в Кингсхольм и заставила присягнуть на верность Джорску. Девлин выдержит давление заклятия. Пока что у него есть на это силы.

Его мысли вернулись к капитану Драккен. Она не верит в то, что он справится; скорее она видит в нем инструмент, с помощью которого можно добиться преимущества в запутанной сети дворцовых интриг. Если он привезет сведения о разбойниках, капитан получит информацию, которой прежде не обладала, а если ему суждено умереть, то погибнет лишь он, а не кто-то из ее подчиненных. На месте Девлина другой, возможно, и оскорбился бы, что его открыто используют в своих целях, но Девлина только восхитило хладнокровие этой женщины. Он догадывался, что ей самой не нравилось то, как она с ним поступила, тем не менее в следующий раз она без колебаний сделает то же самое – таков долг командира.

Керри тоже выбрала путь воина. Когда Девлин разговаривал с капитаном Драккен, ему иногда казалось, что он видит в ней ту, какой однажды стала бы Керри, если бы прожила еще пятнадцать лет и закалила свою отвагу опытом. Если бы осталась с теми, кто охранял покой людей, а не бросила все, решив разделить судьбу с ним. Если бы...

Девлин сжал кулаки, дав боли отвлечь его от невыносимых мыслей. Он не будет думать о Керри и о том что все могло бы пойти по-другому... Прошлое навсегда сгинуло, а вместе с ним похоронено и будущее. Есть только настоящее, которое не продлится долго, если у Богов осталась хоть капля милосердия. Нужно отправиться в Аставард и встретить свою судьбу.

* * *

– Он ушел? Уже? Даже не заглянув в храм испросить благословения Богов, как принято? – всполошился брат Арни.

Капитан Драккен кивнула. После яркого солнца ее глаза никак не могли привыкнуть к мрачной полутьме храма.

– Стражники у Западных ворот сказали, что Избранный покинул город еще до того, как колокола возвестили полдень.

– Ничего не понимаю. Неужели нельзя было задержаться на несколько минут, чтобы прочесть молитву?

– Он ушел очень рано, – попыталась успокоить священника капитан Драккен. – Как я поняла, главного распорядителя он поднял с постели еще до рассвета.

Капитан спрятала усмешку, представив, как возмутила королевского распорядителя подобная наглость. Этот высокомерный сукин сын вполне заслуживал, чтобы с него хоть раз сбили спесь.

Священник задумчиво почесал подбородок.

– Может, он хотел помолиться в уединении и приходил в храм, пока я спал? Да, скорее всего.

Капитан Драккен сильно сомневалась, что Избранный повел себя именно так, но благо- разумно промолчала.

– Теперь, когда его нет, ты достанешь камень? – спросила она, переходя к цели своего визита.

– Ах да, конечно.

Брат Арни развернулся и засеменил к алтарю. Приблизившись, он низко склонился и нараспев прочитал короткую молитву, потом выпрямился и взял в руки деревянную коробочку, которая стояла на алтаре со дня церемонии. Брат Арни открыл ее, и капитан увидела сверкающий рубин.

Священник с благоговением вынул Камень Души из коробочки, и тот начал пульсировать вишневым пламенем, точно живое сердце. Брат Арни подошел к стене, расположенной в глубине храма. Стену украшал затейливо выложенный узор из мозаики, с поразительной точностью воспроизводивший карту королевства. Священник поклонился и подбросил камень в воздух. Рубин описал плавную дугу – и вдруг прилип к стене, так естественно вписавшись в узор, словно всегда находился на этом месте.

Капитан Драккен шагнула вперед и всмотрелась в мозаичный узор. Примерно на уровне ее груди располагался знакомый двойной кружок, обозначающий Кингсхольм. Чуть дальше, на тонкой коричневой линии, которая изображала Западную дорогу, сиял Камень Души. Капитан знала, что, стоя у стены, сможет проследить за почти неуловимым перемещением рубина, повторяющего путь Избранного. Во время ритуала посвящения камень получил связь с душой Девлина и отныне будет отмечать место, где находится Избранный, пока тот не вернется в Кингсхольм, после чего рубин снова положат на алтарь. Если рубин тускнел, это означало, что жизнь Избранного в опасности, но помочь ему, воздействуя на камень, было нельзя. Если же Избранный погибал, Камень Души чернел, выпадал из стены и рассыпался в прах.

Капитан Драккен обвела взглядом карту. С годами к ней добавлялись новые элементы; в последний раз это произошло после присоединения Дункейра, тридцать лет назад. Королевство выглядело очень внушительно, но капитан знала, что впечатление обманчиво. Несмотря на все ее старания, Джорская империя рушилась, распадалась на части. Больше четверти века капитан Драккен отдала службе в королевской страже, пройдя все ступени от рядового до командира. И все эти годы она видела, как королевство неумолимо погружается в хаос. Постепенно, кусочек за кусочком, ткань, из которой было соткано королевство, истиралась и ветшала. У берегов хозяйничали пираты; мародеры из Нерикаата безнаказанно совершали набеги на приграничные земли двух провинций, а Южную дорогу затопило огромное болото – поговаривали даже, что здесь не обошлось без черной магии.

А король продолжал бездействовать, пока его советники яростно спорили, как лучше противостоять надвигающимся бедам. Если бы к границам королевства подступило неприятельское войско, враг из плоти и крови, король Олафур немедленно приказал бы армии встать на защиту Джорска, но стране грозила куда более коварная опасность – медленный распад, который постепенно парализовал монарха и его королевство липким страхом.

Трудно свыкнуться с мыслью, что твой господин боится. Боится послать солдат в бой и узнать, что истинный враг скрывался совсем в другом месте. Боится, что он как полководец и в подметки не годится своему отцу, королю Торвальду, который завоевал Дункейр еще юным принцем. А герцог Джерард умело играет на страхах короля, нашептывая ему, что тот поступает благоразумно и что такое благоразумие – признак мудрости правителя.

И вот солдаты сидят по казармам, капитан Драккен и ее стражники охраняют покой в Кингсхольме, а за пределами столицы дела идут все хуже. Если раньше напасти сыпались только на приграничные районы, то теперь они подбирались ближе и ближе к сердцу королевства. Та же шайка разбойников орудовала всего в неделе езды от Кингсхольма.

Глупо надеяться, что один человек, пусть даже Избранный, справится со всеми бедами. Капитан понимала это, но все равно отправила Девлина в дорогу, ведь у нее тоже не было выбора.

Драккен вновь перевела взгляд на Камень Души, желая, чтобы он и дальше сиял чистым и сильным светом. Уже много лет она не взывала к милости Богов. Точнее сказать, уже много лет она полагалась только на себя и своих гвардейцев, хотя знала, что близок день, когда даже они не смогут защитить королевство от нависшего над ним зла.

Заметив, что брат Арни наблюдает за ней, капитан Драккен пробормотала короткую молитву за здоровье Избранного и благополучие Джорска – чтобы выжить, им понадобится помощь Богов.

VI

Капитан Драккен поерзала, пытаясь устроиться поудобнее. Уже не в первый раз ей в голову приходило, что деревянные кресла, на которых сидят советники, с успехом заменили бы собой самые страшные орудия пыток. После нескольких часов сидения в таком кресле она сама была готова признаться в дюжине мелких преступлений, если бы такой ценой могла купить свободу. Увы, свобода так легко не доставалась, и мысли капитана вновь вернулись в Зал Совета.

Кроме нее, за длинным дубовым столом сидели еще тринадцать советников. Место во главе стола пустовало – оно предназначалось для короля. По обе стороны от королевского кресла расположились герцог Джерард и леди Ингелет, старшие советники. Далее сидели члены Совета в порядке убывания их ранга. Незанятое место на противоположном конце стола отводилось для приглашенных.

Капитан заметила, что неудобства, похоже, испытывает она одна. Может быть, остальные привыкли к этим креслам, потому что регулярно посещают заседания Совета, тогда как она присутствует здесь только в особых случаях, а может быть, советники научились так же хорошо скрывать свои чувства, как и мотивы своих действий.

– Итак, все согласны? Прощение лорда Тинсета о признании Джейсена Сторенсона сыном и наследником отклоняется. После смерти Тинсета земли барона в Тамараке и его титул вернутся под власть короны, – объявила леди Ингелет.

Пожилая советница обвела взглядом сидящих за столом – один за другим члены Совета согласно кивали. Только советница Дорета, самая молодая из всех, решила подать голос:

– Ситуация неприглядная. Если барон захотел признать Джейсена своим сыном, следовало сделать это сразу после его рождения, а не через двадцать с лишним лет.

Разумеется, двадцать лет назад лорд Тинсет рассчитывал, что оставит наследство своим законным детям, но это было еще до того, как из-за несчастного случая на охоте он лишился мужской силы. Теперь, когда его сын и дочь умерли от странной болезни, эпидемия которой выкосила почти все население Тамарака, барон пришел в отчаяние и решил объявить наследником одного из своих внебрачных отпрысков.

Случай был не первым, но для того чтобы склонить мнение Совета в свою пользу, требовалось богатство или политический вес, а Тинсет не обладал ни первым, ни вторым. Борьба с недавней эпидемией опустошила сундуки барона, хозяина и без того бедной провинции Тамарак. Традиционалисты, которых он поддерживал, все как один воспротивились признанию наследником бастарда, поскольку это поставило бы под сомнение их собственные титулы. У членов Совета, настроенных более прогрессивно, не было причин испытывать приязнь к лорду Тинсету, зато у каждого из них были все основания надеяться, что король провозгласит новым бароном Тамарака именно его. Исход дела был ясен даже дураку, но ради соблюдения приличий советники долго и с важным видом обсуждали вопрос, прежде чем принять решение.

– Вы согласны, что прошение следует отклонить, советница Дорета? – уточнила леди Ингелет.

– Да, конечно, если все считают, что так лучше... – запинаясь, выдавила Дорета.

Капитан Драккен подавила вздох. Дорета слишком молода и неопытна, чтобы занимать пост советницы, ей едва исполнилось двадцать четыре года. Традиционалисты выдвинули ее в члены Совета на место, которое раньше занимала ее мать. Однако капитан Драккен подозревала, что их выбор пал на Дорету не столько из уважения к ее покойной матери, сколько из расчета на то, что в их руках она окажется отличной марионеткой.

– Запишите, что члены Совета единодушно рекомендуют королю отклонить прошение лорда Тинсета, – заключила леди Ингелет и передала свиток писцу, сидевшему позади нее. – Переходим к следующему вопросу. К Совету хочет обратиться капитан Драккен.

Ну наконец-то. Капитан поднялась со своего места и поклонилась советникам, как того требовали правила этикета, поскольку всех членов Совета назначал король, а она присутствовала здесь только благодаря своей должности.

– На последнем собрании я донесла до сведения Совета что среди мечей, которые предназначались для Избранных, королевский оружейник выявил пять фальшивых. Это не считая того, изъян в котором нашел новый Избранный во время церемонии посвящения. Записи свидетельствуют, что, кроме этих клинков, мнимый кузнец изготовил полдюжины учебных мечей для королевских стражников, наконечники для копий и два гросса арбалетных стрел. Хотя в этих предметах мастер Тимо не нашел видимых дефектов, по приказу Избранного он взялся перековать все подозрительное оружие, а также сделать новые мечи для будущих церемоний Избрания.

Советник Арнульф с неодобрением покачал головой.

– Вы уверены, что в этом есть необходимость? Работа будет стоить целое состояние.

– Излишняя осторожность не повредит, – ответила капитан Драккен. – Я не желаю рисковать жизнью своих подчиненных, вооружив их клинками, которые выковал изменник.

– Но у вас нет доказательств того, что кузнец и вправду изменник, – высказался герцог Джерард. – Может, он стал жертвой обстоятельств, или же дефекты мечей связаны с плохим качеством стали.

Капитан скрипнула зубами.

– Любой кузнец, знающий свое ремесло, сразу разглядел бы изъян. Мастеру Тимо это не составило никакого труда.

– Возможно ли, что кто-то испортил мечи после того, как они были сделаны? – спросил лорд Зигмунд.

– Очень хороший вопрос. По словам мастера Тимо, мечи были такими с самого начала, но искусный кузнец мог подпортить мечи и позже, нагрев их и ухудшив закалку металла, и хотя для этого нужно большое умение, заметных следов после такого вмешательства не остается.

Советник Арнульф, сидевший напротив капитана Драккен, откашлялся и подождал, пока не окажется в центре внимания.

– По-моему, ответ лежит на поверхности. Мастера Тимо, несомненно, рассердило то, что такое важное задание поручили другому оружейнику, и он попытался опозорить своего соперника, испортив мечи. В конце концов, мастер Тимо – единственный, кому это выгодно. Работа по переделке оружия изрядно пополнит его кошелек, и он сохранит свою славу первого кузнеца в Кингсхольме.

– Зачем же опускаться до подобной низости? – удивилась советница Дорета, наморщив лоб. – Разве это не измена?

– Если вред нанесен умышленно, то – да, это расценивается как измена, – подтвердила леди Ингелет. – Но я не согласна с советником Арнульфом. У мастера Тимо не было оснований так поступать. Как королевский оружейник он получает из казны годовое жалованье. На перековку оружия он затратит много времени и металла, однако никаких денег не получит. Да и славы ему это не прибавит – непременно найдутся те, кто скажет: раз он оружейник, значит, отвечает за все оружие в королевском арсенале независимо от того, кто его изготовил.

– А что думает по этому поводу Избранный? Если все это делается по его приказу, почему он сам не пришел сюда, чтобы поделиться с нами своими соображениями? – поинтересовался лорд Баддур.

– По моей просьбе Избранный отправился в Аставард, чтобы разузнать о банде разбойников, которые нападают на путников в лесу, – сказала капитан Драккен.

– И вы даже не посчитали нужным посоветоваться с нами, прежде чем дать ему поручение? – холодно спросила леди Ингелет.

Капитан Драккен покачала головой.

– Такие поручения находятся в пределах моих полномочий. А поскольку Совет не позволил мне послать в Аставард отряд солдат или стражников, я по собственному почину отправила туда Избранного.

– Вы слишком много на себя берете, – заметила леди Ингелет. – Королевские дороги не входят в ведение городской стражи.

Леди Ингелет весьма прохладно относилась к начальнице королевской стражи, но по крайней мере вела себя достойно, и ее – одну из немногих в Совете – можно было убедить с помощью доводов.

– Королевская стража обязана следить за порядком в Кингсхольме, это верно. Но, кроме того, мы отвечаем за безопасность семьи его величества, а это подразумевает охрану замка и других королевских резиденций, включая и охотничий домик в Аставарде, – ответила капитан Драккен.

– Даже если Аставард относится к территориям, которые вы охраняете, то королевские дороги – не ваше дело.

– А чье? – возмутилась капитан Драккен. – Кто, если не стража, защитит земли короля и позаботится о том, чтобы дороги оставались безопасными для проезда? Я хотя бы пытаюсь что-то предпринять.

– И что же, по-вашему, могут сделать обыкновенные стражники? – задал вопрос советник Арнульф. – Они способны лишь поймать воришку, разогнать уличную толпу или разобраться с дракой в таверне. Они – не воины.

Капитан Драккен посмотрела в лицо герцогу Джерарду – вот кто ее настоящий противник в споре, а советник Арнульф – только орудие в его руках.

– По крайней мере я хочу, чтобы мои люди поддерживали форму, а не изнывали от безделья.

– Покажите мне реального неприятеля, и я тут же отдам приказ армии, – заговорил герцог. – Но я не собираюсь разбрасывать своих солдат по проселкам и заставлять их гоняться за каждой тенью.

Эту отговорку капитан слышала уже много раз. Герцог при поддержке короля настаивал, что армия должна находиться в полной готовности к бою. Глупцы, они не понимали, что им угрожает иной враг. Нападения извне и крупных сражений в будущем не предвиделось, зато королевство медленно и верно умирало от тысячи мелких укулов.

Капитан знала, что кое-кто в Совете так же, как и она, видит опасности, нависшие над Джорском, но даже те, кто втайне поддерживал ее, не могли договориться между собой. Отстаивая свои интересы, они вели ожесточенные споры и не желали ставить благо королевства выше своего собственного. Сама же капитан Драккен могла лишь высказывать свое мнение в Совете, но права голоса не имела. Ей оставалось уговаривать советников и надеяться, что члены Совета откроют глаза раньше, чем грянет беда.

– Этот вопрос неоднократно обсуждался, и наше решение осталось неизменным, – твердо заявила леди Ингелет. – Хотя капитан Драккен могла бы потрудиться спросить нашего мнения, она была вправе отдать Избранному подобный приказ.

Герцог Джерард усмехнулся.

– В конце концов, если Избранный не справится с заданием, вряд ли кто-то будет о нем сожалеть.

Лорд Зигмунд кивнул, поглаживая светлые волосы, предмет своей непомерной гордости.

– Теперь я вижу, что замена церемониальных мечей не терпит отлагательства. Скоро нам понадобится новый меч для очередного Избранного.

Капитан Драккен почувствовала стыд, поняв, что все думают так же, как и она. Она поручила это задание Избранному только потому, что им можно легко пожертвовать. И все же он заслуживал большего, чем быть предметом насмешек на Совете.

– Возможно, он успешно выполнит задание и удивит всех нас.

– Или сгинет где-нибудь в болоте и уменьшит казну еще на десять золотых, которым нашлось бы гораздо лучшее применение, – скептически заметил советник Арнульф. – Даже вы, капитан, должны признать, что Избранный – не больше чем пережиток времени, который обходится нам слишком дорого. Посмотрите, до чего мы докатились! Крестьянина из заброшенной деревни мы наградили не только деньгами, но и титулом, и властью! Неудивительно, что, глядя на такое безрассудство, Боги отвернулись от нас.

– Избранный рыцарь – одна из древнейших традиций в Джорске. Король Олафур чтит нашу историю и поступает мудро, – проговорил герцог Джерард. – Но в словах советника Арнульфа есть правда. Многого можно было сделать на эти десять золотых – например, нанять две дюжины людей в городскую стражу и снабдить их всем необходимым, не так ли, капитан?

– Так, – согласилась капитан Драккен. Этих денег хватило бы на то, чтобы набрать тридцать новичков, обеспечить их полным снаряжением и заплатить жалованье за год вперед. Месяц назад она выпрашивала у Совета вдвое меньшую сумму, но получила категорический отказ.

Однако она не настолько глупа, чтобы всерьез воспринимать рассуждения герцога. Если церемонию посвящения в Избранные отменят, вряд ли королевской страже станет перепадать больше денег. Золотые осядут в кошельках королевских фаворитов, а ей и ее гвардейцам придется довольствоваться все теми же крохами.

– Ваша светлость, ваше мнение по поводу Избранного нам хорошо известно, – сказала леди Ингелет. – Сегодня мы решаем другую проблему, поэтому, с вашего позволения, оставим этот вопрос, пока король не пожелает поставить его на обсуждение.

– Разумеется, – ответил герцог.

– Капитан Драккен, вы хотите добавить что-то еще к вашим словам?

– Нет.

– Хорошо. Совет благодарит вас за добросовестное отношение к службе, – подытожила леди Ингелет.

Капитан Драккен еще раз коротко поклонилась и села на место. Она рассчитывала, что советники серьезно отнесутся к доказательствам измены кузнеца, но ее сообщение совершенно их не встревожило. Как всегда, их гораздо больше интересовало продолжение бесконечных дебатов о целесообразности поддержания старой традиции. Дебатов, которые с появлением Девлина могли привести неизвестно к чему. У консервативно настроенных членов Совета, горячих сторонников древнего обычая, фигура нынешнего Избранного вызывала сильные сомнения, ведь, по их мнению, он был чужаком и простолюдином, стремившимся пробиться в круги, где не имел права находиться. Если король позволит Совету поставить вопрос об Избранном на обсуждение, велика вероятность того, что традицию посвящения отменят вообще. Тогда Девлин станет последним Избранным, и его смерть обозначит конец целой эпохи.

VII

И почему он не поехал верхом? Сержант Лукас пытался настоять, чтобы Избранный взял лошадь, но Девлин решительно отказался. В конце концов, старый солдат уступил и неохотно помог Избранному собрать в дорогу вещи, которые скорее подошли бы бедному фермеру.

Когда сержант поделился тем немногим, что слышал о лесных разбойниках, Девлин настоялся. Он не считал себя знатоком тактики, с этим лучше справились бы профессионалы вроде Лукаса и капитана Драккен, но все-таки что-то в этих нападениях, которые вроде бы казались случайными, его беспокоило. Он не стал говорить об этом вслух, но у него сложилось впечатление, что бандиты выбирали свои жертвы очень тщательно, нападая лишь на тех, чей кошелек был достаточно толстым, но чье исчезновение не вызвало бы переполоха в столице. Такая осторожность говорила о хорошей осведомленности.

Возможно, в Кингсхольме действует шпион. Если так, то королевскому Избранному нет смысла заниматься этим делом. Разбойники либо сразу же убьют его, либо станут бегать от него, как от чумы, и в обоих случаях он ничего не узнает. Как только Девлин пришел к этому выводу, о себе напомнило заклятие уз.

Он отправится в Аставард инкогнито и не возьмет с собой ни конных всадников, ни слуг. Он не станет надевать форму Избранного и даже не поедет верхом, а пойдет так, как шел из Дункейра в столицу, в одежде простого крестьянина, возвращающегося домой.

Он хотел было рассказать все Лукасу, но потом понял, что еще не знает, кому во дворце можно доверять, и слова тут же застряли у него в глотке.

Заклятие уз не дало ему ничего объяснить, поэтому он сердито пробурчал, что не возьмет коня, и, собрав немного вещей, выскользнул из города так незаметно, как только мог.

План казался ему удачным. Голос, неотступно звучавший в его голове, не имел ничего против. Но потом зарядили дожди. Последние три дня Девлин брел по щиколотку в грязи. Проливной дождь насквозь промочил его одежду, и толку от нее не было никакого. Ремни походного мешка впивались в плечи, ноги изнывали от боли и усталости, и каждый шаг давался с невероятным трудом.

Любой нормальный человек укрылся бы от ненастья на какой-нибудь ферме или в одной из мелких деревушек, разбросанных вдоль дороги, и переждал бы, пока погода улучшится, но заклятие уз толкало его вперед. Перед ним стояла задача, которую надо выполнить, и узы, гнавшие его вперед, действовали сильнее, чем приказ генерала или даже короля.

Девлин поскользнулся о мокрый камень и, отчаянно замахав руками, едва удержался на ногах. Поначалу дорога была вымощена плотно сбитыми булыжниками, и благодаря ее приподнятой средней части вода стекала в канавы на обочинах. Чем больше Девлин удалялся от Кингсхольма, тем хуже становилась дорога. Все чаще попадались участки с растрескавшимися и разбитыми булыжниками, а потом и с проросшей между ними травой. Теперь, в двух неделях ходьбы от столицы, во многих местах камень исчез совсем, сточные канавы были забиты травой и мусором, а дорогу размыло грязью с окрестных полей.

Постепенно Девлин расслышал, что к шуму дождя примешивается еще какой-то звук. Сначала до него донеслось металлическое звяканье, а потом ритмичный стук копыт и скрип колес экипажа. Звук быстро нарастал. Девлин обернулся и увидел карету, которая вынырнула из тумана за его спиной.

– Эй, осторожно! Берегись! – закричал кучер.

Девлин прыгнул в сторону и упал в канаву. Карета, запряженная парой породистых лошадей, промчалась мимо, обдав путника бурой грязью; при этом кучер не то что не извинился, но даже не посмотрел назад.

– Черт побери этих вельмож! – выругался Девлин. – Чтоб твоя карета сломалась и ты поплелся на своих двоих, как весь простой люд.

Он с трудом побрел дальше по грязи. Кукурузные поля сменились грядками с какими-то корнеплодами, затем кончились и они, и по обе стороны дороги потянулись заросшие высокой травой луга. Там и тут начали попадаться заросли кустарника, а время от времени, когда дорога шла вверх, вдалеке показывалась темная полоска леса. Это и был Аставард, где, как говорили, находилось логово разбойников. Девлин предполагал добраться до леса только через несколько дней, но оказалось, что, подгоняемый безжалостным кнутом заклятия, он двигался быстрее, чем думал.

Настоящее дело начнется, как только он войдет в лес. Может быть, именно здесь, среди пушистых ветвей чужих сосен, Бог Смерти наконец сочтет, что пришло время принять в жертву жизнь Девлина.

Словно в насмешку над его желанием дождь полил еще сильнее, поднялся ветер, и косые струи ливня начали хлестать Девлина по лицу. Пасмурный день перешел в вечер, и солнце, скрытое свинцовыми тучами, стало клониться к закату. Девлин понял, что не успеет достичь леса засветло. Он огляделся, но не увидел вокруг дома или сарая, где можно было бы заночевать. Последняя деревня осталась позади больше часа назад. Втянув голову в плечи, Девлин представил себе, как проведет еще одну ночь на мокрой земле. Нужно пройти еще немного. Может быть, он доберется до опушки леса – уж лучше укрыться среди деревьев, чем ночевать под открытым небом.

Уже совсем стемнело, когда дорога вновь повернула, и Девлин разглядел смутно темневшую окраину леса, но удача все-таки улыбнулась ему, и на поляне у опушки показались очертания низкого дома, в окнах которого горел свет.

Надежда на теплую и сухую постель прибавила сил Девлину. Приблизившись, он почувствовал едкий запах горелого дерева и увидел обгоревшие столбы массивного здания – судя по каменной трубе дымохода, которая все еще стояла и одиноко смотрела в небо, когда-то в нем было не меньше двух этажей. Вокруг дымохода валялись груды почерневших бревен, уже понемногу обвитых плетью ползучих растений. Пожар случился недавно – год или два назад. Странно, что участок не расчистили, даже если погорельцы не имели средств отстроиться заново.

Недалеко от пожарища стоял большой сарай, а возле него – какая-то одноэтажная постройка в форме буквы «Г». Окна ее светились, а факел, укрепленный под навесом на крыльце, шипел и разбрасывал искры, освещая деревянную табличку на ржавых петлях, которые при каждом порыве ветра противно скрипели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.